

Николай II

Он появился на свет 6(18) мая 1868 г. в Александровском дворце Царского Села, там, где в 1845 г. родился его отец, Александр Александрович (в будущем — император Александр III); в том самом дворце, который весной 1917 г. станет первой тюрьмой для семьи последнего русского царя. Его нарекли Николаем, в память умершего за три года до того цесаревича Николая, старшего сына императора Александра II. Смерть в апреле 1865 г. наследника короны вызвала горечь и сожаление во многих русских сердцах, но особенно остро ее переживали родители, император Александр II и императрица Мария Александровна (урожденная гессен-дармштадтская принцесса) и брат цесаревича Александр. Он искренне любил старшего брата, который был близок ему по духу, был его единственным верным другом, хранителем юношеских тайн.

Так уж получилось, что от брата Николая (Никса) Александр унаследовал не только нежеланный статус цесаревича, но и его невесту, урожденную датскую принцессу Дагмар (Мария-София-Фредерика-Дагмар). Это брачная партия не была холодным династическим союзом, во имя которого приносятся в жертву личные симпатии. Молодые люди любили друг друга. Дочь датского короля Христиана IX приняла православие и при миропомазании получила имя Марии Федоровны.

28 октября 1866 г. в Петербурге состоялась торжественная брачная церемония. Марии Федоровне было тогда девятнадцать лет, Александру Александровичу — двадцать один год. Брак был счастливым. Они прожили в мире и согласии 28 лет. Помимо сына Николая в этой семье родилось еще пятеро детей: Александр (1869-1871), Георгий(1871-1899), Ксения (1875-1960), Михаил (1878-1918), Ольга (1882-1960). Рождение первенца цесаревич и цесаревна ждали с большим волнением, ждали полтора года, пережив за это время страхи и опасения. Александра даже стала посещать страшная мысль, что, может быть, и вообще у них с Минни (так все в семейном кругу звали Марию Федоровну) не будет

детей. Но Бог оказался милостив к ним, и жена родила здорового и крепкого мальчика.

Это событие счастливый отец описал в дневнике: "Минни разбудила меня в начале 5-го часа, говоря, что у нее начинаются сильные боли и не дают ей спать; однако по временам она засыпала и потом опять просыпалась, [и так] до 8 часов утра. Наконец мы встали и отправились одеваться. Одевшись и выпив кофе, пошел скорее к моей душке, которая уже не могла окончить свой туалет, потому что боли делались чаще и чаще и сильнее... Я скорее написал Мама записку об этом, и Мама с Папа приехали около 10 часов, и Мама осталась, а Папа уехал домой. Минни уже начинала страдать порядочно и даже кричала по временам. Около 12 1/2 жена перешла в спальню и легла уже на кушетку, где все было приготовлено. Боли были все сильнее и сильнее, и Минни очень страдала. Папа вернулся и помогал мне держать мою душку все время. Наконец в 1 1/2 3 пришла последняя минута, и все страдания прекратились разом. Бог послал нам сына, которого мы назвали Николаем. Что за радость была — это нельзя себе представить. Я бросился обнимать мою душку жену, которая разом повеселела и была счастлива ужасно. Я плакал как дитя и так было легко на душе и приятно".

В императорской фамилии появился новый великий князь, а у императора Александра II — первый внук. Событие было ознаменовано 101 орудийным залпом в Петербурге, наградами высшим должностным лицам империи. Через две недели, 20 мая (1 июня), в церкви Большого Царскосельского дворца состоялись крестины. Восприемниками были: Александр II, великая княгиня Елена Павловна (вдова брата царя Николая I, великого князя Михаила Павловича), датская королева Луиза и наследник датского престола принц Фредерик (король Дании Фредерик VIII в 1906-1912 гг.). По давней традиции малютке — великому князю были пожалованы высшие ордена России: Святого Апостола Андрея Первозванного, Александра Невского, Белого Орла, а также Святой Анны и Святого Станислава первых степеней. Все были счастливы, но больше

всех — родители. Через несколько дней Александр Александрович записал: "В этот год свершилось пламенное и самое большое наше желание с женой, а именно: Бог послал нам свое высочайшее благословение — сына. За это мы будем всегда благодарить Всевышнего, тем более что оно нам не легко досталось, и несмотря на ужасные минуты, где мы приходили в отчаяние с женой, мы постоянно надеялись на Бога, и Он нас не оставил и вознаградил наше терпение столь отрадным появлением на свет нашего ангела — первенца".

Великий князь Николай Александрович родился тогда, когда его отец был наследником престола. Сын цесаревича становился в перспективе сам цесаревичем, а затем — монархом. Законы о престолонаследии появились в России в самом конце XVIII в., когда император Павел I в 1797 г. издал особый указ и собрание нормативных актов, получивших название "Учреждение об императорской фамилии". Прожив много лет под угрозой отлучения от прав на трон, нелюбимый сын Екатерины II решил придать законодательную форму процессу перехода власти и кодифицировать статус всех членов императорской фамилии. Эти положения определяли права и преимущества членов правящей династии на протяжении почти всего XIX в., вплоть до 1886 г., когда, при императоре Александре III, в существовавшую практику были внесены некоторые изменения и коррективы. Если раньше все потомки императора имели звания великих князей, титуловались императорскими высочествами и имели право получать ежегодное денежное содержание, то после 1886 г. это право получали лишь дети и внуки императора. Все же остальные именовались "князьями императорской крови", титуловались просто "высочествами" и получали лишь единоразовую денежную выплату при рождении.

По своему положению члены фамилии подразделялись на несколько степеней, в зависимости от их родственной близости к монарху. С начала XIX в. состав династии постоянно расширялся. У императора Павла I было девять детей, а у его сына, императора Николая I, — семь. За исключением Ольги Павловны (1792— 1795), все имели собственные

семьи, и эти родственные узы опутали царский дом густой сетью семейных связей со многими владетельными домами, особенно в Германии, которую злоязычный германский канцлер князь О. Бисмарк называл "племенной фермой Европы". В XIX в. в составе императорской фамилии появились носители иностранных титулов, узаконенные в России: герцоги Мекленбург-Стрелицкие (брак племянницы Николая I Екатерины Михайловны с герцогом Георгом Мекленбург-Стрелицким в 1851 г.); принцы Ольденбургские (брак дочери Павла Екатерины с принцем Петром-Фридрихом Ольденбургским в 1809 г.); герцоги Лейхтенбергские (брак дочери Николая I Марии с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским в 1839 г.).

С середины XIX в. династические связи Романовых заметно расширяются и постепенно выходят за пределы многочисленных германских княжеств, герцогств и королевств. Королевой Нидерландов (Нассаутская династия) с 1840 г. была сестра Николая I великая княгиня Анна Павловна (1795-1865), в 1816 г. вышедшая замуж за наследника нидерландской короны принца Вильгельма (Вильгельм II). Женитьба в 1866 г. цесаревича Александра на датской принцессе Дагмар способствовала возникновению династических уний между Романовыми и датским королевским домом, а также английским (Ганноверская династия) и греческим королевскими домами (Шлезвиг-Голштейн-Зонденбург-Глюксбургская династия). Старшая сестра Марии Федоровны принцесса Александра (1844-1925) с 1863 г. состояла в браке с наследником английского престола Альбертом-Эдуардом, принцем Уэльским (король Эдуард VII в 1901 -1910 гг.), а брат цесаревны Вильгельм (1845-1913) правил с 1865 г. в Греции под именем Георга I (с 1867 г. женат на внучке Николая I великой княгине Ольге Константиновна). В 1874 г. возникла и еще одна связь между английским королевским домом и царской семьей: единственная дочь Александра II Мария (1853-1920) вышла замуж за второго сына королевы Виктории принца Альфреда-Эрнста-Альберта, герцога Эдинбургского (1844-1900).

В кругу русской императорской фамилии иностранные принцы, женатые на великих княгинях, представляли боковые ветви рода и прав на

престол не имели. Иное дело русские великие князья — дети и внуки императоров. Во второй половине XIX в. в составе династии возникает несколько параллельных линий, старшинство которых определялось степенью родства с венценосцем. Александровичи (от Александра III), Владимировичи (от имени третьего сына Александра II Владимира), Павловичи (от младшего сына Александра II Павла), Константиновичи, Николаевичи, Михайловичи (от сыновей Николая I Константина, Николая, Михаила). В конце XIX в. в состав императорского дома входило около 50, а к началу Первой мировой войны более 60 человек. Это было чрезвычайно влиятельное сообщество, представители которого занимали многие важные посты в государственном аппарате и оказывали большое влияние на внешнюю и внутреннюю политику империи.

Старшим в роду по положению всегда был царь, который, согласно закону, являлся "на всегдашнее время попечителем и покровителем" фамилии. Всем прочим членам династии надлежало ему беспрекословно подчиняться и быть первыми и верными слугами государя. Такова была традиция. Таковы были заповеди предков. В своем духовном завещании император Александр II восклицал: "Заклинаю их (детей. — А. Б.) не забывать никогда слов их Дедушки, которые я им часто повторял, что вся их жизнь должна быть посвящена службе России и ее Государю. Чувство, которое в сердце их должно быть нераздельно. То же заклинаю и всем прочим членам нашего семейства... Заклинаю всех сыновей моих и всех членов нашего многочисленного семейства любить и чтить своего Государя от всей души, служить Ему верно, неутомимо, безропотно, до последней капли крови, до последнего издыхания и помнить, что им надлежит примером быть другим, как служить должно верноподданным, из которых они — первые".

Служение высшему предназначению, преодоление собственных желаний, стремлений и слабостей во имя престижа династии, во имя интересов страны и империи было делом сложным, а для многих членов царской фамилии и непосильным. Человеческие страсти, личные амбиции, сиюминутные порывы порой превалировали над долгом, и

некоторые великие князья из "верных слуг" превращались если и не в противников, то в оппонентов царя, ставя собственные представления и желания на первый план. Это стало заметно уже при императоре Александре II, но со всей очевидностью проявилось в период последнего царствования, и императору Николаю II приходилось тратить немало времени и сил на улаживание и разрешение различных щекотливых, а порой и просто скандальных ситуаций, инспираторами которых являлись родственники.

Правившую в России династию в европейских справочниках с конца XVIII в. именовали часто не как династию Романовых, а как династию Романовых-Гольштейн-Готторпов. В буквальном, родственно-генетическом смысле, это было справедливым: отцом императора Петра III был Карл-Фридрих, герцог Шлезвиг-Гольштейн-Готторпский. Но в России подобное титулование официально не употреблялось, хотя разговоры на тему о том, насколько цари были русскими, велись постоянно в различных кругах. В связи с этим возникает вопрос об этнокультурном и национально-психологическом значении понятий "русский" и "русскость". Что делает человека русским? Какие черты характера, привязанности, взгляды и представления примечательны для подобного исторического типа? Это большая и спорная проблема, непосредственно связанная с исторической судьбой русского народа и его национально-духовной самоидентификацией. Умозаключений и суждений в этой области существует много, но приведем лишь одно, принадлежащее перу писателя Ивана Шмелева. "Русский тот, кто никогда не забывает, что он русский. Кто знает родной язык, великий русский язык, данный великому народу. Кто знает свою историю. Русскую Историю, великие ее страницы. Кто читает родных героев. Кто знает родную литературу, русскую великую литературу, прославленную в мире. Кто неустанно помнит: ты — для России, только для России! Кто верит в Бога, кто верен Русской Православной Церкви: Она соединяет нас с Россией, с нашим славным прошлым. Она ведет нас в будущее; Она — водитель наш, извечный и верный". Данная формула в полной мере

отражает духовный облик и мировоззренческие ориентиры последнего царя.

Пошло— дотошные критики установили, что у Николая II была лишь 1/128 часть "русской крови". С примитивно-обывательских позиций это якобы свидетельствовало о "нерусскости" царя и косвенно служило подтверждением расхожего тезиса о его безразличии к судьбам России. Но подобные вульгарные построения и примитивные выводы ничего не объясняют, а лишь затемняют сущность сложного явления. Ведь не "состав крови" делает человека русским! Применять же подобный подход к правящей династии просто абсурдно. Это касалось не только русских царей, начиная с детей от второго брака Петра I, но и в не меньшей степени других монархов. В подавляющем большинстве случаев династические браки заключались между представителями различных владетельных домов, что само по себе исключало "чистоту национальной крови". И здесь наиболее яркий пример -английская королева Виктория, находившаяся на троне более шестидесяти лет и ставшая символом целой исторической эпохи. Она представляла немецкую Ганноверскую династию и была замужем за немецким принцем! Но никто в Великобритании не обвинял ее в этом и не занимался подсчетами долей "чисто английской крови"! Профессиональные хулители "царизма" (как историки, так и неисторики) или просто невежественны, или откровенно недобросовестны и используют любой прием, даже самый непристойный, лишь бы "уличить" и "разоблачить".

Последний русский император был своим в европейском династическом мире, где его близкие родственники всегда занимали самые престижные места. Когда он родился, то его дедушка был королем Дании, а дядя — королем Греции. Когда же он отрекся от престола в 1917 г., то один его двоюродный брат являлся английским королем (Георг V), другой — королем Греции (Константин I), а третий — королем Дании (Христиан X). Его кузены и кузины, племянники и племянницы, дяди и тети носили самые высокородные титулы чуть ли не во всех европейских странах, занимали видные места в общественной жизни своих государств. И самые

влиятельные, наиболее именитые отреклись от поверженного русского родственника, а затем многие стремились предать забвению эту родственную связь. Расчетливо-циничные сиюминутные интересы и устремления возобладали над человеческими симпатиями и семейным долгом. Но это все проявилось потом, уже в XX в., когда рушились троны не только в России. XIX в. для монархов был куда более спокойным. И когда Николай Александрович появился на свет, то невозможно было вообразить грядущие социальные бури и политические потрясения.

Николая II воспитывали по нормам, принятым в то время в высшем свете, давали образование в соответствии с порядком и традицией, установленными в кругу императорской фамилии. Регулярные занятия у великого князя начались в восьмилетнем возрасте. Руководителем их и наставником к Николаю был назначен генерал Г. Г. Данилович. Он составил специальную учебную программу, которая была внимательно изучена родителями и ими одобрена. Она включала восьмилетний общеобразовательный курс и пятилетний — высших наук. Основу общеобразовательного курса составляла измененная программа классической гимназии: вместо латинского и греческого языков было введено преподавание минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии. В то же время программа преподавания истории, русской литературы и иностранных языков была существенно расширена. Курс высшего образования включал политическую экономию, право и военное дело (военно-юридическое право, стратегию, военную географию, службу Генерального штаба). Кроме того, были еще занятия по вольтижировке, фехтованию, рисованию, музыке.

Весь день был расписан по минутам, и старшему сыну цесаревича, а затем императора надо было почти каждодневно проводить много часов за уроками, заниматься самоподготовкой. Преподаватели подбирались тщательно и должны были не только давать знания, но и прививать отроку духовно-нравственные представления и навыки: аккуратность, исполнительность, уважение к старшим. Генерал Г. Г. Данилович регулярно сообщал родителям о ходе обучения.

В числе педагогов были блестящие знатоки своего предмета, известные государственные и военные деятели: К. П. Победоносцев (маститый правовед, профессор Московского университета, с 1880 г. — обер-прокурор Святейшего Синода); Н. Х. Бунге (профессор-экономист Киевского университета, в 1881 — 1886 гг. — министр финансов); М. И. Драгомиров (профессор Академии Генерального штаба); Н. Н. Обручев (начальник Генерального штаба, автор военно-научных трудов); А. Р. Дрентельн (генерал-адъютант, генерал от инфантерии, герой русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг.); Н. К. Гире (министр иностранных дел в 1882— 1895 гг.) и другие.

Преподаватели не могли ставить своему ученику оценки за успеваемость. Но все они отмечали усидчивость и аккуратность Николая Александровича. У него была прекрасная память. Раз прочитанное или услышанное запоминал навсегда. То же касалось и людей, их имен и должностей. Общавшиеся с последним царем поражались порой тому, что монарх мог в разговоре с кем-нибудь вдруг вспомнить эпизод служебной биографии собеседника многолетней давности. Из всех предметов Николаю больше всего нравились литература и история. Еще с детства он стал страстным книголюбом и сохранял эту привязанность буквально до последних дней своего земного бытия. Всегда переживал, если в какой-то день у него не было достаточно времени для чтения. Его пристрастия здесь с годами стали вполне определенными, он отдавал предпочтение русской литературе. Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский, Чехов — вот круг особо любимых, читаемых и перечитываемых авторов. Он прекрасно владел английским, французским и немецким языками, писал очень грамотно по-русски.

С ранних лет последний русский царь испытывал большой интерес и тягу к военному делу. Это было у Романовых в крови. Многие его родственники служили с юности в различных войсках, занимали командные должности в гвардейских полках, в системе военного управления. Смотры, парады, учения Николая Александровича никогда не утомляли, и он мужественно и безропотно переносил случавшиеся

неудобства армейских буден на лагерных сборах или маневрах. Традиции офицерской среды и воинские уставы неукоснительно соблюдал, чего требовал и от других. Любой офицер, запятнавший себя недостойным поведением, однозначно им осуждался. Этому правилу он оставался верен всегда.

О том, сколь радостные чувства вызывала у Николая Александровича воинская служба, свидетельствует множество документов разных лет. Сошлемся лишь на один. В 1887 г., в письме к своему другу юности, великому князю Александру Михайловичу (Сандро), наследник престола писал: "Это лето буду служить в Преображенском полку под командою дяди Сергея, который теперь получил его. Ты себе не можешь представить мою радость; я уже давно мечтал об этом и однажды зимой объявил Папа, и Он мне позволил служить. Разумеется, я буду все время жить в лагере и иногда приезжать в Петергоф; я буду командовать полуротой и справлять все обязанности субалтерн-офицера. Ура!!!"

Согласно традиции, в день рождения внук императора был зачислен в списки гвардейских полков (Преображенского, Семеновского, Измайловского, Егерского, Кавалергардского и других) и назначен шефом 65-го пехотного Московского полка. В пятилетнем возрасте, в 1873 г., Николай Александрович — шеф лейб-гвардии Резервного пехотного полка, а в 1875 г. зачислен в лейб-гвардии Эриванский полк. Шли годы, мальчик вырос, и служебная "военная карьера" продолжалась. В день именин, 6 декабря 1875 г., Николай Александрович получил свое первое воинское звание — прапорщик. В 1880 г. молодой великий князь производится в подпоручики.

Резкие изменения в судьбе юноши происходят в 1881 г., когда его отец становится императором, а он — престолонаследником. На второй день после восшествия на престол Александра III Николай Александрович назначается атаманом всех казачьих войск. Прошло еще три года, и в 1884 г. цесаревич Николай поступает на действительную военную службу, а 6 мая того же года приносит воинскую присягу в Большой церкви Зимнего дворца. Очевидец этого события, великий князь

Константин Константинович (президент Российской академии наук, переводчик, поэт — литературный псевдоним "К. Р."), записал в тот день в дневнике: "Нашему цесаревичу сегодня 16 лет, он достиг совершеннолетия и принес присягу на верность Престолу и Отечеству. Торжество было в высшей степени умиленное и трогательное. Наследник — с виду еще совсем ребенок и очень невелик ростом. Прочитал он присягу, в особенности первую, в церкви детским, но прочувствованным голосом; заметно было, что он вник в каждое слово и произносил свою клятву осмысленно, растроганно, но совершенно спокойно. Слезы слышались в его детском голосе. Государь, Императрица, многие окружающие, и я в том числе, не могли удержать слез".

Но изменение общественного положения не отразилось существенно на чиновничьем производстве, и воинские звания присваивались почти всегда лишь по выслуге лет. В августе 1884 г. Цесаревич стал поручиком. В июле 1887 г. девятнадцатилетний юноша приступает к регулярной военной службе в Преображенском полку и производится в штабс-капитаны. В апреле 1891 г. наследник престола получает звание капитана, а через год, в мае 1891 г., — полковника. На этом производство было завершено, и в чине полковника последний Царь оставался до самого конца, так как считал неприличным присваивать себе новые воинские звания.

Нравственный облик, культурные запросы, жизненные привычки семнадцатого монарха из династии Романовых формировались в той среде, где он родился и вырос. Мир русской императорской фамилии, патриархальный уклад жизни царской семьи непосредственно влияли на личность. И здесь первенствующую роль играли отец и мать. Александр III, при всей своей внешней строгости и, как считали многие, жесткости по отношению к своим близким неизменно оставался всегда преданным семьянином и любящим отцом. Но непосредственно детьми занималась мать — императрица Мария Федоровна, которой муж полностью доверял все, что касалось воспитания и образования. Скромность, учтивость, светские манеры, глубокое религиозное чувство — все это им

прививалось с младенческих лет. Мать все время повторяла: никогда не забываете о своем происхождении и предназначении, ни на минуту не позволяйте себе забыть, что на вас всегда обращено множество глаз и вы не имеете права своим поведением бросить хоть тень на высокий общественный статус семьи, на роль и престиж своего отца. Ноша царского долга была трудна, порой непереносима, и не все дети Александра III достойно прожили свою жизнь. Случалось всякое. Лучше всех следовать наставлениям родителей удавалось старшему сыну.

Это был скромный, воспитанный юноша, отличавшийся деликатностью. Его любили родственники, для них он был "милым Ники". Потом, когда он стал императором и одновременно главой правящей династии, некоторые члены фамилии продолжали взирать на него снисходительно, с высоты своего возраста и жизненного опыта, позволяя в первые годы его царствования недопустимое амикошонство. На первых порах молодой монарх уступал волевому напору родни, но это воспринималось как должное и вело все к новым и новым проявлениям недопустимого своеволия. Происходили неприятные выяснения отношений. В 1897 г., после одного из таких случаев, Николай II писал великому князю Владимиру Александровичу (брат Александра III, командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа. Президент Академии художеств): "Несправедливо пользоваться теперь тем обстоятельством, что я молод, а также, что я ваш племянник. Не забывай, что я стал главой семейства и что я не имею права смотреть сквозь пальцы на действия кого бы то ни было из членов семейства, которые считаю неправильными или неуместными! Более чем когда-либо необходимо, чтобы наше семейство держалось крепко и дружно, по святому завету твоего Деда. И тебе бы первому следовало мне в этом помогать".

Николай Александрович мог себе позволить немного из того, на что имели право его сверстники. Нельзя было шумно себя вести, привлекать к себе внимание играми и детской возней, не допускались неразрешенные прогулки, бесконтрольные забавы. Все свое детство Николай Александрович провел в императорских резиденциях: зимой

жили в Петербурге в Аничковом дворце, а летом или в Гатчине, или в Царском Селе, или в Петергофе. Кругом были придворные, слуги и наставники, и нельзя было побежать на пруд когда хотелось, и невозможно было общаться с кем хотелось. Его друзьями могли быть только лица определенного происхождения.

В юности Николай Александрович общался с небольшим кружком сверстников-родственников и детей близких ко двору царедворцев. Это были: брат, великий князь Георгий Александрович; двоюродные дяди — великий князь Александр Михайлович и великий князь Сергей Михайлович, а также дети министра императорского двора графа И. И. Воронцова-Дашкова и дети обер-егермейстера графа С. Д. Шереметева. Зимой они вместе катались на коньках, строили ледяные горки в парке Аничкова дворца, а летом плавали на лодках, удили рыбу, играли в различные игры и обязательно пекли в укромном уголке парка картошку на костре. Это кушанье считалось лакомством, и молодые аристократы воспринимали этот ритуал как некое таинство, а участвовавших и посвященных называли "картофелем".

Но жизнь не была лишь чередой занятий и приятного времяпрепровождения с друзьями. Приходилось сталкиваться со сложными, а порой и трагическими обстоятельствами. Первая такая ситуация возникла весной 1877 г. во время русско-турецкой войны, когда его отец, которого Николай просто обожал, почти на целый год уехал на фронт. Сыну тогда еще и десяти лет не было, но он знал, что его "дорогой Папа" выполняет свой долг, и переживал вместе с матушкой, когда от него долго не было известий. И когда Александр вернулся в феврале 1878 г., то радость была в семье великая.

Осенью 1880 г. цесаревич, цесаревна и их дети отправились отдыхать в Крым. Эта поездка была вызвана прямой просьбой Александра II, что являлось фактически приказом. По своей воле ни его старший сын, ни Мария Федоровна никогда бы не поехали в Ливадию, которую давно любили, но где последнее время бывать им совсем не хотелось. Все объяснялось тем, что в императорской фамилии произошло невероятное

событие, которое могло в дальнейшем привести к расколу династии и к непредсказуемым потрясениям в империи. Император, похоронив в мае 1880 г. свою супругу — императрицу Марию Александровну, через сорок дней, в начале июля 1880 г., женился второй раз на своей давней привязанности — княгине Екатерине Михайловне Юрьевской (урожденной Долгорукой), имевшей к тому времени от царя троих детей.

Все было обставлено тайно, но уже через несколько недель после случившегося придворные и петербургский высший свет знали о скандальном событии. Верховный носитель и блюститель закона нарушил то, что им самим однозначно осуждалось: вступил в морганатический брак. Такого в России не было со времен Петра I. Но тогда не было законодательных актов, регулировавших семейные отношения членов императорской фамилии, тогда не было давней традиции, да и вся петровская история являлась уже данью времени. Но теперь, в конце XIX в., все выглядело скандально и могло окончиться трагически. Упорно циркулировали слухи, что царь обещал "своей Катрин", как только минет год после смерти императрицы, официально объявить о новом браке и короновать вторую жену. У многих невольно возникал вопрос: каков будет статус у его детей от первого брака? У Александра II от Юрьевской был сын Георгий ("наш Гого", как звал его император), и беспощадная молва утверждала, что монарх намерен в будущем именно его (незаконнорожденного!) сделать престолонаследником. А как же законный сын, цесаревич Александр?

При дворе царили неопределенность и уныние. В подавленном состоянии находились и цесаревич с цесаревной. Страшные слухи доходили до их ушей, но они отказывались верить, что нечто подобное может случиться и что сам царь, верховный хранитель закона, пойдет на разрушение традиционных основ и принципов. Но, с другой стороны, общаясь с Александром II постоянно, и Александр Александрович, и Мария Федоровна не могли не заметить происшедшей в правителе перемены, не могли не ощутить несомненное влияние, оказываемое на монарха второй женой. Чем дальше, тем больше они приходили к

заклучению, что "эта женщина" полностью закабалила волю царя и может добиться от него всего. Все эти страхи и опасения цесаревич и цесаревна не делали достоянием публики. Особенно они оберегали своих детей. Им, как они были уверены, совершенно не обязательно знать что-либо об этом скандале. Но наступил момент, когда скрывать было уже невозможно, и старший сын цесаревича Николай Александрович вдруг оказался перед лицом сложной и непонятной для него ситуации.

У Александра II возникла мысль, что надо сблизить свои две семьи. Осенью 1880 г. он с "дорогой Катрин" и своими незаконнорожденными отпрысками поехал отдыхать в Ливадию и вытребовал туда семью цесаревича. Александр Александрович безропотно подчинился, но своенравная натура Марии Федоровны с трудом приняла волю монарха. Однако и ей пришлось смириться, и они поехали.

Тринадцатилетний Николай Александрович был озадачен. Он увидел в Ливадии дедушку в обществе какой-то дамы и троих детей, двух девочек и одного мальчика, которым дедушка оказывал большое внимание. Он не знал, кто они, но вопросы возникали, а ответы ничего не объясняли. На первом же обеде поразило, что эта дама обращалась к царю по имени, не стесняясь, прерывала его, отдавала во весь голос приказания. Это было ново, неожиданно, ничего подобного старший сын цесаревича не видел. Он спросил у Марии Федоровны: "Эта дама наша родственница?" Мария Федоровна готова была сквозь землю провалиться. Она воспитывала своих детей честными, искренними людьми, а теперь должна была лгать им и сочинять идиотскую историю о том, что император женился на вдове и усыновил ее детей, но сделал все это тайно. На это будущий русский царь резонно возразил: "Как он мог это сделать, мама? Ты ведь сама знаешь, что в нашей семье нельзя жениться так, чтобы об этом не узнали все". Позже, не удовлетворившись разъяснениями своей матери, Николай Александрович сказал гувернеру: "Нет, тут что-то неясно, и мне нужно хорошенько поразмыслить, чтобы понять".

Трудно сказать, как бы развивалась в дальнейшем эта царская брачная история, если бы не наступило 1 марта 1881 г. — день гибели от рук

убийц императора Александра II. Эхо того взрыва, как говорил сам Николай II, навсегда запечатлелось в памяти. Последний монарх редко делился с кем-либо своими мыслями и чувствами, только с самыми доверенными из родни, членов двора и свиты. В число этих близких входила и фрейлина, баронесса Софья Карловна Буксгевден, сохранившая верность царской семье до конца и после отречения Николая II последовавшая за ней в Сибирь. Позже ей удалось выбраться из России и написать воспоминания, куда включен и фрагмент о событиях 1 марта 1881 г. в том виде, как его запомнила мемуаристка. Баронесса благоговейно относилась к памяти венценосной семьи, бережно сохраняла и описывала самые мелкие подробности ее быта и времяпрепровождения. Поэтому данный рассказ можно рассматривать как истинное повествование самого Николая II.

В середине дня 1 марта 1881 г. семья наследника завтракала в Аничковом дворце, когда вбежал слуга и сообщил, что с царем несчастье. Цесаревич тотчас бросился на улицу, крикнув Николаю и Георгию, чтобы они немедленно ехали в Зимний дворец. И они, в сопровождении генерала Г. Г. Даниловича, поехали. Все, что там представилось их взору Николай II изложил следующим образом: "Когда мы поднимались по лестнице, я видел, что у всех встречных были бледные лица. На коврах были большие пятна крови. Мой дед истекал кровью от страшных ран, полученных от взрыва, когда его несли по лестнице. В кабинете уже были мои родители. Около окна стояли мои дяди и тети. Никто не говорил. Мой дед лежал на узкой походной постели, на которой он всегда спал. Он был покрыт военной шинелью, служившей ему халатом. Его лицо было смертельно бледным. Оно было покрыто маленькими ранками. Его глаза были закрыты. Мой отец подвел меня к постели. „Папа, — сказал он, повышая голос. — Ваш „луч солнца“ здесь“. Я увидел дрожание ресниц, голубые глаза моего деда открылись, он старался улыбнуться. Он двинул пальцем, но он не мог ни поднять рук, ни сказать то, что он хотел, но он несомненно узнал меня. Протопресвитер Бажанов подошел и причастил его в последний раз. Мы все опустились на колени,

и Император тихо скончался. Так Господу угодно было".

Вечером того мартовского дня отец Николая Александровича стал императором, а сам он — наследником престола. Его повседневная жизнь внешне мало изменилась. Правда, обязанностей прибавилось. И родители теперь стали заняты еще больше, и меньше приходилось проводить времени вместе. Общались лишь во время совместных поездок, которых в первые годы после воцарения Александра III было немного. Раньше часто ездили к бабушке и дедушке в Копенгаген, где собирались шумные компании родственников со всех концов Европы. Здесь не было занятий, почти отсутствовали различные представительские обязанности, да и придворный этикет был не таким строгим, как в России. Данию Николай II полюбил с детства и всегда приезжал туда с большой радостью.

Теперь ситуация изменилась. Поездки с родителями стало меньше, они сделались более короткими, и куда бы ни приезжали, везде встречали уже иное отношение. Его "дорогой Папа" теперь царь, а он сам — наследник русского престола. В 1881 г. выехали всей семьей лишь один раз: летом посетили Москву, Нижний Новгород, затем проехали на пароходе до Рыбинска, откуда вернулись в Петербург. На следующий год вообще никаких путешествий не было. Зато следующий, 1883 г. был полон событий и впечатлений. В мае того года в Москве происходили пышные коронационные торжества, и цесаревич был в центре событий. Хотя сама коронация Александра III происходила в Успенском соборе Кремля 15 мая, но приехали в первопрестольную за неделю до того и оставались здесь до конца месяца. И каждый день был полон торжественных церемоний, праздничных шествий, официальных приемов, красочных салютов, величественных парадов. В те дни пятнадцатилетний цесаревич посетил Троице-Сергееву лавру под Москвой и был на освящении грандиозного храма Христа Спасителя, построенного в память победы России над Наполеоном.

Николай, на удивление всем, ни разу не пожаловался на усталость. Он сознавал торжественность момента и уезжал из Москвы с радостным чувством. Именно тогда впервые, по-настоящему глубоко и искренне

почувствовал свой непростой земной удел, ощутил тяжесть и ответственность царского предназначения. Но это все было еще слишком удалено от настоящего, и молодой человек оставался таким, каким был до того, сохранял все те черты поведения, склонности и пристрастия, которые и раньше имел.

К началу 80-х гг. относится и еще одно примечательное событие в жизни последнего русского царя: он начал вести дневник. До нас дошло пятьдесят толстых тетрадей, последняя запись в которых оставлена за три дня до убийства семьи Николая II в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге. Первая же запись сделана 1 января 1882 г., когда ему еще не исполнилось и четырнадцати лет. Более тридцати шести лет постоянно, каждый вечер, с неизменной аккуратностью император записывал несколько фраз о прошедшем дне. Когда рухнула монархия, когда достоянием публики стали многие свидетельства и документы, то исследователи (и неисследователи) стали с пристрастной скрупулезностью изучать царские тексты, находя в них, как им казалось, ответы на важнейшие вопросы русской истории: почему пала монархия, почему власть оказалась бессильной отстоять исконные основы и принципы. Ну и конечно же всех интересовал вопрос: что представлял собой последний царь, что это был за человек и за политик? На основании дневниковых записей бесчисленное количество раз делались выводы, в подавляющем большинстве случаев неблагоприятные для Николая II.

Самое удивительное в подобных умозаключениях, что они построены на документе, который не позволяет делать никаких широких исторических обобщений. Но их тем не менее делали и делают. Действительно, зачем годами сидеть в архивах, переворачивать массу документов, тратить бездну времени на выявление и анализ разнородных источников, когда можно спокойно открыть дневники царя, не выходя из дверей своего дома (записи за различные годы издавались неоднократно), и, сославшись вроде бы на "бесспорное свидетельство", в очередной раз написать о том, что у "царя не было воли", что он "был безразличен к

судьбам России", что "это был человек с ограниченным кругозором", "ограниченных интеллектуальных способностей" и т.д. и т.п.

Дневники Николая II позволяют с достаточной полнотой и последовательностью установить лишь два момента его биографии: где он был и с кем встречался. Это сугубо личный глубоко камерный документ, отражавший в самой общей форме повседневное времяпрепровождение. Царь не думал оставлять потомкам историческое свидетельство; никогда не предполагал, что его личные, лапидарные поденные заметки когда-нибудь смогут использовать в политических целях. Он писал, потому что "так надо", потому что это было принято в его кругу. Первоначально его мать, тогда еще цесаревна Мария Федоровна, рекомендовала сыну обзавестись дневником. Затем вел его уже по привычке и любил в зрелых годах иногда перечитать о своем житье-бытье в давние годы. И сколько всего высвечивалось в памяти и как приятно было вспоминать ушедшее, но такое милое и радостное время. На страницах дневника довольно редко встречаются эмоциональные пассажи, а с годами они почти совсем исчезают. Что же касается каких-либо политических оценок и суждений, то их вообще практически нет.

Только в последние месяцы своей жизни, находясь в унижительном положении обреченного заключенного, он запечатлел на бумаге свою боль за судьбу страны, за положение дорогой и любимой России. Не о себе думал, не о себе пекся и переживал, когда через год после отречения (2(15) марта 1918 г.), занес в дневник горькие слова: "Сколько еще времени будет наша несчастная Родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что дольше, терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего делать? А все-таки никто как Бог! Да будет воля Его Святая!" Но никогда царь даже не пытался лично себя оправдать или возвеличить, чем отличались авторы многих других дневников и мемуаров, стремившихся запечатлеть свой образ в истории "в благоприятном освещении". Николай II начисто был лишен подобных устремлений. Это был скромный, деликатный

человек, лично для себя никогда не искавший никаких выгод, ничего не просивший, но никогда не пренебрегавший собственными обязанностями и до воцарения, но особенно — после.

Помимо династических (присутствие на семейных собраниях, посещение родни в дни праздников, участие в различных фамильно-государственных мероприятиях) существовали и конкретные служебные обязанности. Чем старше становился Николай Александрович, тем больше времени ему приходилось отдавать службе. Надо было представлять особу государя и Россию за границей. В марте 1888 г. цесаревич присутствовал на погребении германского императора Вильгельма I в Берлине; в ноябре того же года представлял русского царя на 25-летнем юбилее царствования датского короля Христиана IX в Копенгагене; в июне 1889 г. с подобной же миссией был на торжествах в Штутгарте у короля Вюртембергского, а в октябре — представлял царскую фамилию в Афинах на бракосочетании наследника греческого престола Константина с прусской принцессой Софией и т.д. Представительская миссия входила в круг его обязанностей и в последующие годы.

В 1890— 1891 гг. в жизни престолонаследника произошло примечательное событие: он совершил многомесячное путешествие вокруг Азии. Смысл этой экспедиции состоял в том, чтобы, с одной стороны, способствовать расширению кругозора будущего царя, а с другой - научить его самостоятельно принимать решения и нести полную ответственность за свои слова и дела. Программа путешествия обсуждалась несколько месяцев и предусматривала осмотр достопримечательностей различных стран, посещение правителей и высших должностных лиц иностранных государств.

В сопровождении небольшой свиты цесаревич Николай с братом Георгием выехали из Гатчины 23 октября 1891 г. По железной дороге прибыли в Вену, а оттуда в Триест, где 26 октября пересели на фрегат "Память Азова". Несколько дней провели в Греции в гостях у короля Георга и королевы Ольги, а 7 ноября отправились в Египет, где провели

около трех недель. Затем через Аден проследовали в Бомбей, куда пришли 11 декабря. В Индии и на Цейлоне провели почти два месяца. В пути тяжело заболел брат цесаревича, великий князь Георгий Александрович, и из Бомбея ему пришлось возвратиться домой.

Затем были Сингапур, остров Ява, Таиланд, Сайгон, Гонконг, Ханькоу, Шанхай. 15 апреля 1891 г. экспедиция русского престолонаследника прибыла в Нагасаки (Япония), где была торжественно встречена. Затем была поездка по Японии, а 29 апреля 1891 г. при посещении города Отцу на Николая Александровича было совершено покушение. К счастью, фанатик-террорист не успел нанести смертельный удар: цесаревич увернулся, и сабля лишь задела его голову, не причинив серьезных повреждений. Все были шокированы и возмущены. Свои личные извинения принес сам микадо, и Николай писал родителям, что ему "жалко смотреть на японцев — так они все переживают". Еще сильнее переживали России. Александр III приказал сыну прервать путешествие и возвратиться в Россию, куда цесаревич и прибыл 11 мая 1891 г.

Здесь его уже ждали дела. Наследник престола присутствовал во Владивостоке на закладке памятника адмиралу Г. И. Невельскому и сухого дока во Владивостокской гавани. На Дальнем Востоке цесаревич получил императорский рескрипт на свое имя, где говорилось: "Повелев ныне приступить к постройке сплошной через всю Сибирь железной дороги, имеющей соединить обильные дарами природы Сибирские области с сетью внутренних рельсовых сообщений, Я поручаю Вам объявить таковую волю Мою, по вступлении Вами вновь на Русскую землю, после обозрения иноземных стран Востока". Наследнику поручалось совершить закладку Уссурийского участка Сибирской магистрали. Все было исполнено в точности: сын царя принял участие в начале строительства главной железной дороги России, а 19 мая 1891 г. — в закладке здания вокзала на станции Владивосток.

Затем была длинная дорога домой, через всю Сибирь, знакомство с людьми и природой этого замечательного края. Виденное здесь произвело неизгладимое впечатление на молодого человека, и сила этого

воздействия была не меньше, чем от увиденного за границей. Все осматривал с жадным интересом. Через Хабаровск, Благовещенск, Нерчинск, Читу, Иркутск, Красноярск, Томск, Тобольск, Сургут, Омск, Оренбург и Москву прибыл 4 августа в Петербург, где был с большой радостью встречен родственниками. Через несколько дней он отправил весточку своему другу, великому князю Александру Михайловичу (Сандро), где восклицал: "Я перед тобой страшно виноват за то, что не отвечал на твои письма, но подумай сам, где мне было сыскать время в Сибири, когда каждый день и без того был переполнен до изнеможения. Несмотря на это, я в таком восторге от того, что видел, что только устно могу передать впечатления об этой богатой и великолепной стране, до сих пор так мало известной и (к стыду сказать) почти незнакомой нам, русским! Нечего говорить о будущности Восточной Сибири и особенно Южно-Уссурийского края..."

Круг служебных обязанностей цесаревича все более расширяется. Еще в мае 1889 г. цесаревичу пожаловано флигель-адъютантство. Теперь не только по положению, но и по должности, как член свиты, он должен был выполнять определенные функции (присутствия, дежурства). Одновременно с этим, именованным Высочайшим указом он назначен членом Государственного совета и членом Комитета министров. Вскоре, описывая свое житье-бытье в послании другу Сандро, Николай Александрович заметил: "Во-первых, я стал твоим товарищем по свите, сделавшись флигель-адъютантом; мой восторг не имел границ! Кроме того, я назначен членом Государственного совета и Комитета министров, предоставляю тебе судить об этом! Во-вторых, я служу с 1 мая в Гусарском полку и крепко люблю свое новое дело".

Несомненно, что его больше всего радовала военная служба. Сидеть в Государственном совете и Комитете министров, слушать споры и пререкания сановников по различным вопросам государственного управления было далеко не всегда интересно. Здесь было много рутины, утомительных и продолжительных схоластических споров. И хоть цесаревич своими обязанностями никогда не пренебрегал и аккуратно

высидел на заседаниях, но душа рвалась в родную и близкую гвардейскую среду, где был порядок, дисциплина, где он был нужен, где чувствовался дух товарищества и дружбы. Но его положение и здесь налагало ограничения: нельзя было забывать о своем происхождении и непозволительно было сближаться с кем-либо более положенного по службе.

Родители зорко следили за поведением своего старшего сына. Особенно щепетильной была мать, придававшая огромное значение соблюдению писаных и неписаных норм и правил — всему тому, что называлось "приличием". Цесаревич это знал и старался ничем не огорчать "дорогую Мама", которой постоянно отправлял подробные письма-отчеты о своих служебных делах. В одном из первых таких посланий, относящихся к лету 1887 г., сообщал: "Теперь я вне себя от радости служить и с каждым днем все более и более свыкаюсь с лагерною жизнью. Каждый день у нас занятия: или утром стрельба, а вечером батальонные учения, или наоборот. Встаем утром довольно рано; сегодня мы начали стрельбу в 6 часов; для меня это очень приятно, потому что я привык вставать рано... Всегда я буду стараться следовать твоим советам, моя душка Мама; нужно быть осторожным во всем на первых порах!"

С января 1893 г. цесаревич служил в должности командира 1-го ("царского") батальона лейб-гвардии Преображенского полка. Он очень дорожил службой, безусловно исполняя все требования уставов, весь "воинский артикул". Его непосредственный начальник, командир Преображенского полка великий князь Константин Константинович, записал в своем дневнике 8 января 1893 г.: "Ники держит себя совсем просто, но с достоинством, со всеми учтив, ровен, в нем видна необыкновенная непринужденность и вместе с тем сдержанность; ни тени фамильярности и много скромности и естественности". Прошел год, и впечатления командира не изменились. "Ники держит себя в полку с удивительной ровностью; ни один офицер не может похвастаться, что был приближен к цесаревичу более другого. Ники со всеми одинаково учтив, любезен и приветлив; сдержанность, которая у него в нраве,

выручает его", — записал свои наблюдения великий князь в дневнике 6 января 1894 г.

Ровность, деликатность, сдержанность в проявлении собственных эмоций говорили о хорошем воспитании. Но, с другой стороны, эти качества, выдававшие благородство характера и светскость манер, потом бесчисленное количество раз ставились в вину последнему царю. Сдержанность интерпретировали как слабоволие, спокойствие — как безразличие, деликатность — как лживость и т.д. Почему? Почему имя последнего монарха окружено таким количеством беспощадных личностных оценок и суждений, в свое время циркулировавших в обществе, а затем воспроизводившихся некритически многие десятилетия? Неужели действительно на престоле в России более 22 лет находился незначительный человек, неспособный управлять государством и приведший в конце концов эту огромную страну к крушению? И мог ли вообще один человек, какими бы особенностями он ни обладал, разрушить государственную твердыню? Вопросы, вопросы... Ответы же, всегда однозначные, прямолинейные и безапелляционные, не столько раскрывают нам личность монарха, развитие самого исторического действия, сколько говорят об идеологической заданности, политической и мировоззренческой ангажированности тех, кто примитивными формулами объясняет сложные социальные коллизии, сотрясавшие и в конце концов сокрушившие Россию. Это — великая трагедия народа, страны и правителя, а ее все еще нередко преподносят неискушенной публике как пошло-скабрезный фарс.

Очень много всегда говорили о том, что Николай II "не был готов" к царствованию, что "он был слишком молод", "неопытен" для того, чтобы управлять огромной империей и принимать ответственные и "мудрые" решения. В этих утверждениях заключалась своя логика. Он действительно боялся роли правителя, роли, которой он не искал, но в судьбе своей не мог ничего изменить. А кто был готов к этому? Из пяти монархов, правивших в России с начала XIX в., лишь двое — Александр II и Александр III — приняли монарший скипетр в зрелых годах: первому

было при восшествии на престол 37 лет, а второму — 36. В то же время Николай I стал царем в 29 лет, а Александр I — в неполные 24 года. И никто из них не считал, что он готов. Все в большей или меньшей степени, но неизбежно испытывали сомнения, страхи, колебания. И при каждом воцарении придворные и всезнающие "светские кумушки" всегда шушукались о том, что "царь не тот", что "у него мало опыта", что он "недостаточно образован" и т.д. Николай II надел корону на 27-м году жизни и до последней земной минуты Александра III надеялся на то, что Господь не допустит несчастья и оставит на земле его искренне почитаемого отца.

Но случилось то, что случилось, и "милому Ники" пришлось принять бразды правления в огромной стране, полной противоречий и контрастов, скрытых и явных несуразностей и конфликтов. Он стал царем тогда, когда все, что веками копилось и бродило под спудом, должно было вырваться наружу. Время предъявляло жестокий счет грандиозной исторической аномалии под названием Россия. В том же, что пала самодержавная Россия, исчезло это удивительное "тысячелетнее царство", роль последнего венценосца была заметной, но никогда не была (и не могла быть) определяющей. Черты личности и характера царя конечно же воздействовали на исторический процесс, но, по крупному счету, не определяли судьбоносный маршрут. Утверждать обратное — значит опять оказаться в плену старых догматических схем и представлений, не выдерживающих никакой беспристрастной критики.

Никто не знал, когда наступит срок воцарения старшего сына Александра III. Не знал этого и сам Николай Александрович. Но мысль о том, что ему в будущем грядет невероятно тяжелая и ответственная царская ноша, как позже признался, повергала его в ужас. Никогда и ни с кем, ни письменно, ни устно, цесаревич ни разу не затронул эту тему. Он старался об этом не думать и делал то, что ему надлежало делать. В 1890 г. окончилось его образование, "раз и навсегда", как заметил в дневнике. Дальше ждала регулярная военная служба и участие в деятельности государственных учреждений.

Присутствие на заседаниях Государственного совета и Комитета министров расширяло кругозор, и хоть эти "сидения" особого удовольствия не доставляли, но позволяли многое и многих узнать и понять. В январе 1893 г. Николай Александрович был назначен председателем Комитета Сибирской железной дороги, в ведение которого входили все вопросы по сооружению самой протяженной в России железнодорожной магистрали. А еще раньше, в ноябре 1891 г., цесаревич возглавил Особый комитет для помощи нуждающимся в местностях, постигнутых неурожаем. В тот год в ряде губерний наблюдался сильный недород, и положение крестьян там сделалось критическим. С целью оказания им поддержки и был учрежден вышеназванный орган. Комитет собирал частные благотворительные пожертвования со всей России и распределял их по районам, охваченным бедствием. Цесаревич тогда понял, как много в повседневной русской жизни нераспорядительности, халатности, преступного безразличия. Его, человека ревностно исполнявшего свой долг, поражала нераспорядительность многих должностных лиц, приводившая часто к игнорированию своих прямых обязанностей, что неизбежно обостряло положение. Летом 1892 г., когда на восточные районы Европейской России стало надвигаться новое бедствие — холера, в письме великому князю Александру Михайловичу Николай Александрович заметил: "А холера-то подвигается медленно, но основательно. Это меня удивляет всякий раз, как к нам приходит эта болезнь; сейчас же беспорядки. Так было при Николае Павловиче, так случилось теперь в Астрахани, а потом в Саратове! Уж эта русская беспечность и авось! Портит нам половину успеха во всяком деле и всегда и всюду!"

Рядом и параллельно со службой, учебой, государственными занятиями текла и светская жизнь молодого гвардейского офицера с ее обычными радостями и увлечениями. Каждую зиму захватывала круговерть балов, званых ужинов, музыкальных вечеров. Самостоятельно выезжать в свет цесаревич начал в сезон 1886/87 г. В конце марта 1887 г. престолонаследник сообщал своему другу Сандро: "Теперь я должен

сказать: я очень веселился и танцевал приусердно до самого конца балов; особенно веселы были небольшие, которых было три: один у вас, два у нас. Ваш был первый и принес мне огромную пользу тем, что там я перезнакомился со всеми молодыми мамзельками, которые начинают выезжать с нового года. Из них я особенно подружился с дочерью Рихтера (Оттон Борисович, генерал-адъютант, заведующий делами Комиссии прошений на Высочайшее имя. — А. Б.) и княжной Долгорукой; за каждым ужином мы сидели все вместе за одним столом... Кавалеры каждый раз меняли своих дам, но состав стола никогда не менялся".

С ранних пор Николай Александрович испытывал большую тягу к театру, его особенно увлекали музыкальные спектакли. Интерес к драматическому искусству у него пробудился позже. Незамысловатые оперетты, комедии положений веселили и развлекали. Но и большие, серьезные вещи волновали и надолго запоминались. В пятнадцатилетнем возрасте, 6 февраля 1884 г. он был на премьере в Мариинском театре и вечером записал: "В половине восьмого поехали в Большой театр, где давалась в первый раз опера Чайковского „Мазепа". Она мне совершенно понравилась. В ней три акта, все одинаково хороши, актеры и актрисы пели превосходно". Музыка Петра Ильича Чайковского вообще была особенно им почитаема. Это всегда был любимый его композитор.

Театр являлся неременным атрибутом жизни, увлечением, которое не прошло с годами. Зимними месяцами цесаревич успевал побывать на десятках спектаклей. Вот, например, январь 1890 г. Цесаревич три раза был на балете "Спящая красавица", четыре — на опере "Борис Годунов", наслаждался "Русланом и Людмилой", "Евгением Онегиным", "Мефистофелем". Посмотрел 6 пьесок-водевилей в Михайловском (французском) театре; в Александрийском театре присутствовал на спектакле "Бесприданница" (бенефис знаменитой М. С. Савиной) и на спектакле "Царь Федор Иоаннович" на сцене домашнего театра князей Волконских. Не менее напряженный "театральный график" был и в последующие недели.

Той зимой в жизни молодого русского принца произошло и одно

удивительное событие, которое потом уж больше никогда не повторилось. Он дебютировал на сцене. Жена его дяди, великого князя Сергея Александровича, великая княгиня Елизавета Федоровна загорелась мыслью поставить пьесу на сцене своего домашнего театра. После долгих размышлений и собеседований выбор пал на популярного в России "Евгения Онегина". Решили сыграть некоторые сцены, причем роль Татьяны должна была исполнять сама Елизавета Федоровна, а роль Онегина — цесаревич. Николай согласился на предложение своей тетушки не без некоторых колебаний. Выйти на сцену ему мешала стеснительность. Но в конце концов он согласился, и в феврале 1890 г. начались репетиции. Обладая прекрасной памятью, он очень быстро выучил полагающийся текст, а вот "тете Элле" русские стихи давались значительно сложнее. Репетиции проходили под наблюдением великого князя Сергея Александровича, очень внимательно и придирчиво оценивавшего результаты, так как спектакль приурочивался к дню рождения императора Александра III, которому 26 февраля исполнялось 45 лет.

На следующий день, 27 февраля 1890 г., во дворце великого князя Сергея состоялась премьера. Вечером цесаревич записал в дневнике: "В 5 часов началось представление нашими двумя сценами с тетенькой, прошедшими удачно. Публика — одно семейство". Были аплодисменты, поцелуи и поздравления. Всем было весело. Слух об этом необычном действии быстро распространился в высшем свете, и актерам, под воздействием просьб и увещаний, пришлось выступать еще раз, но уже перед более широкой аудиторией. По окончании "сценического дебюта" тетя Элла наградила племянника лавровым венком, а он послал ей браслет. Через неделю после спектакля Елизавета Федоровна и Николай Александрович поехали к известному петербургскому фотографу Бергамаско, где запечатлели себя в сценических костюмах. Один альбом с этими изображениями потом хранился у Николая II а второй — в доме великой княгини Елизаветы Федоровны.

Интерес к театру связан был с увлечением молодого человека прима-

балериной императорской сцены, миниатюрной, раскованной и жизнелюбивой Матильдой Кшесинской (1872-1971). Собственно, до свадьбы у Николая Александровича было несколько сердечных привязанностей: в детстве он "обожал" свою английскую кузину, дочь герцога Уэльсского Викторю, с которой состоял в переписке долгое время. Позже он увлекся милой и добродушной княжной Ольгой Александровной Долгорукой (в замужестве — Дитрихштейн), а затем балериной Кшесинской. Это был серьезный роман в жизни цесаревича. Познакомились они лично на выпускном акте императорского балетного училища в марте 1890 г., потом встречались от случая к случаю, а в 1892— 1893 гг. их отношения сделались очень близкими. Будущий русский царь немало времени проводил в обществе балетной "этуали". Их связь сошла на нет в начале 1894 г., когда цесаревич занялся устройством своей семейной жизни, в которой "дорогой Малечке" места не могло быть.

Через много десятилетий "великолепная Матильда" написала в Париже воспоминания, где немало страниц отвела своему роману с последним русским царем. Это сочинение было прочитано в разных странах, и многие приняли на веру рассказ старой женщины, посвятившей всю жизнь сценическому искусству и любви. Но бывшая прима многое перепутала, а о многом умолчала. Забыла, например, рассказать, как уже после помолвки цесаревича посылала его невесте в Англию анонимные письма, где всячески чернила жениха. Николай был потрясен этой низостью, все рассказал своей будущей жене, а неугомонную "Малечку" после того видел лишь несколько раз на сцене и всегда испытывал "тяжелое чувство". Все эти увлечения были более или менее продолжительными по времени, но лишь мимолетными по значению эпизодами в жизни Николая II. Единственной настоящей любовью, захватившей со временем его всего, которую он пронес до своего последнего земного часа, была любовь к той, которая стала его женой. Это была русская царица Александра Федоровна, урожденная принцесса из Гессенского дома, младшая дочь владетельного герцога Людвига IV и

его жены, дочери королевы Виктории, английской принцессы Алисы. Перипетии судьбы императрицы Александры, высокая история любви последнего царя и царицы описывались и комментировались многократно. Может быть, и не надо было бы подробно говорить об этом в очередной раз, если бы некоторые существенные обстоятельства. Во-первых, сколько-нибудь достоверно эта история так и не была описана, хотя браку последнего царя и роли царицы Александры очень многие придавали (и придают) роковой для России характер. Именно она, как нередко уверяют сочинители, "закабалила" царя, "подчинила" его своей "сильной воле" и "заставляла" проводить гибельную для империи политику. Этот расхожий исторический стереотип часто используется для объяснения "скрытых причин" крушения монархии. Во-вторых, в большинстве случаев историю жизни и судьбы последних венценосцев излагали тайные или явные враги и недоброжелатели, а нередко и откровенные невежды. Исключения единичны.

Но вне зависимости от степени объективности и компетенции авторов, все признают одно: Александра Федоровна играла в жизни Николая II огромную роль, что конечно же соответствует действительности. Они прожили в мире и согласии почти четверть века, и никогда этот союз не омрачила ни одна ссора или серьезная размолвка. И через годы после свадьбы они любили друг друга как молодожены. А люди злословили, сочиняли небылицы, распространяли всякие пошлости о сторонних "интимных привязанностях" царицы, о каких-то "греховных утехах" императора. Отголоски тех лживых измышлений до сих пор можно найти в некоторых публикациях. Никогда эти сплетни не имели под собой никакой реальной основы. Что бы ни происходило вокруг них, какие бы крушения и разочарования они ни испытывали, Николай II и Александра Федоровна в одном оба были абсолютно уверены всегда: в нерасторжимости собственных чувств и собственных жизней. Трудно себе даже представить, как один из них мог бы пережить другого. И Господь наградил их горькой, но сладостной судьбой: они покинули земные пределы вместе, в один и тот же миг.

Алиса Гессенская родилась в 1872 г. в столице Гессенского герцогства городе Дармштадте. В шестилетнем возрасте потеряла мать и большую часть своего детства и юности провела в Англии, при дворе бабушки королевы Виктории, которая души не чаяла в своей младшей внучке. Принцесса хоть и не была в ранних годах красавицей, но была удивительно ласковым, нежным ребенком. Близкие называли ее Санни (Солнышко). Все биографы царицы Александры уверяют, что смерть матери серьезно повлияла на характер будущей царицы, сделав из жизнерадостного существа замкнутое и печальное создание. Не подлежит сомнению, что это трагическое событие маленькая Алиса-Аликс переживала глубоко и долго. Душевная рана от потери матери осталась на всю жизнь.

Достоверных свидетельств той поры ее жизни сохранилось чрезвычайно мало. В то же время хорошо известно, что из всех детей Людвига IV именно младшая дочь с ранних пор отличалась невероятной аккуратностью, как и тягой к серьезным занятиям и предметам. Она великолепно выучилась играть на фортепьяно, и ее мастерство граничило с виртуозностью. Она прекрасно шила, вязала, вышивала, знала названия растений и птиц, разбиралась в европейской литературе к истории. Окружающих удивляло, что принцесса еще с юности тянулась к серьезным сочинениям по теологии и философии. Она не увлекалась чтением романтических рыцарских романов, чем просто упивались многие сверстницы ее круга. Ее интересовали сущностные вопросы бытия, вопросы жизни и смерти. Она читала и конспектировала сочинения философов и мыслителей, и это занятие не могло не вызывать добродушных снисходительных улыбок у сестер, которых эти вещи совсем не занимали. Она, как и ее покойная мать, была чрезвычайно религиозна.

Впервые в Россию принцесса Алиса приехала в начале лета 1884 г. Ей было тогда двенадцать лет. Она прибыла вместе с родственниками на свадьбу своей старшей сестры Елизаветы, вышедшей замуж за брата царя Александра III великого князя Сергея Александровича.

Грандиозность происходившего поразила Алису. Подобной роскоши и великолепия, такого скопления народа, величия и торжественности она никогда раньше не видела. Принцесса была очарована и смущена, так как целыми днями приходилось быть на публике, находиться под пристальными взорами тысяч глаз. Для нее это было тяжелым испытанием. По складу своего характера она была затворницей, и многолюдье ее пугало, утомляло. Но судьбе было угодно так распорядиться, что ей пришлось стать объектом пристального внимания толпы на протяжении десятилетий.

Тогда, в 1884 г., свою дальнюю родственницу (бабка Николая II императрица Мария Александровна приходилась сестрой деду Алисы Гессенской, герцогу Людвигу III) впервые увидел и цесаревич Николай. Молодой человек сам нахохлился в состоянии волнения, так как ему на предстоящей свадьбе предназначалась ответственная роль шафера. Но он не мог не заметить, как красивы эти "дармштадтские цветы". После первого дня, проведенного вместе, записал: "В 1/2 восьмого обедали со всем семейством. Я сидел с маленькой двенадцатилетней Аликс, которая мне ужасно понравилась; Ella — еще больше". Но прошло немного времени, всего несколько дней а Николай уже полностью был очарован молодой золотокудрой принцессой, которая при близком знакомстве оказалась умной и приятной девочкой. Ей он тоже очень и очень понравился. Пройдет 32 года, и в 1916 г. в письме Николаю II, вспоминая давнее время, Александра Федоровна напишет, что тогда "мое детское сердце уже стремилось к тебе с глубокой любовью".

31 мая (9 июня) 1884 г. они тайком от всех нацарапали свои имена на окошке итальянского домика в Петергофе: "Alix, Niki". Вечером цесаревич занес в дневник: "Мы друг друга любим". Но все имело свой срок. Через две недели родственники принцессы Елизаветы, ставшей после свадьбы благоверной русской великой княгиней Елизаветой Федоровной, должны были уезжать. Цесаревич был опечален. "Мне очень и очень грустно, что Дармштадтские уезжают завтра, а еще больше, что милая Аликс покинет меня", — запечатлел он свои чувства в дневнике 8 (20) июня 1884 г.

В следующий раз Алиса приехала зимой 1889 г., когда провела несколько недель в гостях у своей сестры Елизаветы. Тогда она неоднократно встречалась на балах и вечерах с цесаревичем, и записные знатоки "светской кухни" уже уверенно утверждали, что гессенская принцесса вскоре будет обручена с Николаем Александровичем. Но тогда под этими разговорами не было никакой почвы. Нет, самому наследнику Аликс более чем нравилась; он был ею просто очарован. Но выбор невесты для будущего русского царя замыкался на интересы большой политики; здесь всегда фокусировались различные скрытые стремления и потаенные намерения. Это было дело первостепенной государственной важности, и решать его мог лишь сам монарх. Но ни Александр III, ни императрица Мария Федоровна не считали тогда, что наступило необходимое для их дорогого Ники время.

Сам Николай не решился поднять эту тему в разговоре с родителями, и все окончилось ничем. В марте 1889 г. престолонаследник с грустью писал великому князю Александру Михайловичу: "Ты, разумеется, слышал, что моя помолвка с Аликс Гессенской будто состоялась, но это сушая неправда, это вымысел из ряда городских и газетных сплетен. Я никогда так внутренне не страдал, как в эту зиму; даже раньше, чем они приехали в город, стали ходить слухи об этом; подумай, какое было мое положение перед всеми на вечерах, в особенности когда приходилось танцевать вместе. Она мне чрезвычайно понравилась; такая милая и простая, очень возмужала..."

Не прошло и года, как гессенская принцесса приехала снова в гости к сестре Элле, но наследника тогда не видела: он находился в кругосветном плавании. Однако разговоры о нем неизбежно возникали, и окружающие не могли не заметить, что гостью чрезвычайно волнует эта тема. Сестра Николая, великая княжна Ксения Александровна, писала ему в конце декабря 1890 г.: "Милую Аликс видим каждую субботу; она действительно прелестна! Помнишь наш разговор в Спале про нее? Тебя ей очень недостает. Она всегда думает о тебе..." Будучи натурой впечатлительной, человеком, ничего не умеющим делать наполовину,

последняя русская царица ярче всего раскрывалась в крайних ситуациях. Она умела или любить, или ненавидеть. Никакие промежуточные состояния и проявления чувств ей были неведомы. Ее страстные, порой безбрежные эмоции захватывали целиком, заставляли невероятно глубоко переживать, хотя внешне это почти не проявлялось. Воспитанная при чопорном английском дворе, принцесса конечно же на публике ничего себе не позволяла. Но в своем будуаре, в узком кругу самых близких, "своих", она нередко изливала душу, а накал ее чувств порой озадачивал и удивлял даже родственников. Сохранившиеся письма ее к дорогим людям, особенно Николаю II, переполненные эмоциональными признаниями, уверениями и суждениями, раскрывают характер чувственный и нервный. Она, искренне любя русского престолонаследника, не могла предпринять ничего, что могло бы нарушить правила и традицию. Прекрасно знала, что династический брак совершается по особым канонам, которые надлежит соблюсти.

Важная, особо щекотливая проблема состояла в перемене религии. В случае замужества Алисе надлежало перейти из лютеранства в православие. Для русской царицы принадлежность к этой конфессии была обязательной. Многие представительницы иностранных владетельных домов, выходя замуж за русских великих князей, довольно быстро принимали верования своей новой родины, другие же десятилетиями сохраняли приверженность исконной конфессии своих предков. Насилия здесь никакого не допускалось. В России всегда это рассматривалось как добровольное проявление воли и чувства. Но у жены наследника, а тем более у императрицы такого выбора не было. Принцесса это знала, и это ее мучило, угнетало несколько лет. Она не сомневалась, что подобный шаг похож на предательство, что это беспринципность, которая ею всегда однозначно осуждалась. При ее преданности убеждениям решиться на такое было непросто.

Существовали и другие сложности. Надо было получить согласие глубоко чтимой бабушки, королевы Виктории, которая на протяжении всей своей жизни питала стойкие антирусские чувства. Хотя она и дала в

1873 г. согласие на брак своего второго сына Альфреда, герцога Эдинбургского, с дочерью царя Александра II, великой княжной Марией, а в 1884 г. — на брак ее внучки Елизаветы с великим князем Сергеем Александровичем, но на внешнеполитические и династические чувства королевы это повлияло мало. Кроме того, надо было получить согласие русского царя и царицы, что тоже было делом нелегким. Но здесь уже почти все зависело от Ники.

Цесаревич один раз, в середине 1890 г., в разговоре с отцом затронул этот вопрос, но "дорогой Папа" не проявил никакого желания обсуждать его. Затем тема была надолго изъята из обращения, хотя тяга к семейной жизни у цесаревича проявлялась. В конце 1891 г. он написал: "Я замечаю, что мне пора жениться, так как я невольно все чаще и чаще начинаю засматриваться на красивенькие лица. Притом мне самому ужасно хочется жениться, ощущается потребность свить и устроить себе гнездышко". Но до осуществления желания было еще очень далеко.

21 декабря 1891 г. наследник записал в дневнике: "Вечером у Мама втроем с Апрак. (фрейлина императрицы, Александра Оболенская, урожденная Апраксина. — А. Б.) рассуждали о семейной жизни теперешней молодежи из общества: невольно этот разговор затронул самую живую струну моей души, затронул ту мечту и надежду, которыми я живу изо дня в день... Моя мечта — когда-либо жениться на Аликс Г. Я давно ее люблю, но еще глубже и сильнее с 1889 г., когда она провела шесть недель в Петербурге! Я долго противился моему чувству, стараясь обмануть себя невозможностью осуществления моей заветной мечты. Но когда Eddy (сын принца Эдинбургского, делавший предложение Алисе, но получивший отказ. — А. Б.) оставил или был отказан, единственное препятствие или пропасть между нею и мною — это вопрос религии! Кроме этой преграды, нет другой; я почти уверен, что наши чувства взаимны! Все в воле Божией. Уповая на Его милость, я спокойно и покорно смотрю в будущее". Через месяц в дневнике он вернулся к этой теме и 29 января 1892 г. записал: "В разговоре с Мама она мне сделала некоторый намек насчет Елены, дочери графа Парижского, что меня

поставило в странное положение. Это меня ставит на перепутье двух дорог: самому хочется идти в другую сторону, а, по-видимому, Мама желает, чтобы я следовал по этой! Что будет?" Никто тогда на подобный вопрос ответить не мог.

Во внутренней жизни царской семьи главную роль играла императрица Мария Федоровна. Александр III полностью доверял своей Минни во всем, что касалось семейных дел. Естественно, что первостепенным вопросом являлся брак сына-цесаревича. Царица не думала, что гессенская партия является наилучшей. Она вообще вначале не сомневалась, что юношеское увлечение Ники пройдет со временем. Но одно она знала точно: никогда не поставит свою волю наперекор сыновнему чувству. Она сама вышла замуж по любви и всегда считала, что и династические браки могут быть счастливыми. Ники надо подсказывать, советовать, но ни в коем случае нельзя ему ничего навязывать. Он должен давать согласие на брак добровольно.

Трудно сказать, как бы развивались в дальнейшем отношения между русским престолонаследником и гессенской принцессой, если бы у них не оказалось мощных союзников. Без содействия брата царя, великого князя Сергея Александровича, и его жены, великой княгини Елизаветы Федоровны, вряд ли на русском престоле оказалась бы Александра Федоровна. Об этом мало кто знал тогда, почти не писали потом.

Князь Сергей был в числе особо близких к царской семье лиц. Когда в июне 1884 г. великий князь Сергей Александрович женился на гессенской принцессе Елизавете, то свадьба была обставлена с небывалой пышностью, а избранница великого князя сразу же стала своей в семье императора. Мария Федоровна трогательно опекала Элли, помогая ей освоиться в новой обстановке. В ноябре 1884 г. Елизавета Федоровна сообщала своей бабушке королеве Виктории: "Может быть, Вы захотите узнать о нашем пребывании в Гатчине, где я так хорошо провожу время. Саша и Минни оба такие добрые, и я провожу все послеобеденное время с Минни. Утром мне дают уроки русского языка, потом, после завтрака, Императрица приходит ко мне, и мы вместе пишем

красками, потом выходим вместе, а после чая Император читает — таким образом время проходит очень приятно. Иногда после обеда мы все остаемся вместе — или пишем, или читаем". Душевной симпатии был нанесен страшный удар, когда выяснилась роль Эллы в сватовстве цесаревича.

А роль эта была ключевой. Елизавета Федоровна проявила необычайную целеустремленность, делая все возможное (и невозможное) для устройства женитьбы цесаревича на своей младшей сестре, которой надлежало преодолеть немало препятствий. Труднейшее среди них — перемена религии. Алиса любила русского принца и не скрывала от Эллы своих чувств. Когда Аликс вернулась в Англию из России в конце 1890 г., то написала сестре: "Мне было так грустно уезжать из России. Не знаю отчего, но каждый раз, когда я покидаю место, где мне было хорошо, и страну, где живут особенно дорогие мне люди, к горлу подступает комок. Когда не знаешь, вернешься ли сюда снова когда-нибудь, и что произойдет за это время, и будет ли так же хорошо, как прежде".

Элла же была более уверена в будущем. В октябре 1890 г в письме цесаревичу она сообщает: "Посылаю тебе фотографию, которую она передала мне для тебя и просила, чтобы ты хранил ее тайно, только для себя. Твоя фотография, которую я послала ей, находится на ее письменном столе под моей фотографией, невидимая и близкая. И она может в любое время смотреть на нее. Мы можем лишь молиться и молиться. Я верую в то, что Бог даст решимость и силу". Тетушка постоянно сообщала русскому престолонаследнику о своей сестре, о ее любви к нему. Весной 1891 г. она определенно уже утверждала, что Аликс обожает русского принца. В мае 1891 г. Елизавета Федоровна писала Николаю Александровичу: "Теперь все в руках Божьих, в твоей смелости и в том, как ты проявишь себя. Будет трудно, но я не могу не надеяться. Бедняжка, она так страдает, я единственный человек, кому она пишет и с кем она говорит об этом, и оттого ее письма часто так печальны".

И великий князь Сергей Александрович деятельно был занят тем, чтобы

"свеча любви" не погасла в душе Ники. 30 августа 1890 г. писал наследнику престола: "Большое смущение — религия, — оно понятно, но это препятствие будет преодолено — это можно заключить из ее разговоров. Элла смотрит на это так серьезно и добросовестно: по моему, это хороший залог и верный. Вообще ты можешь быть спокоен — ее чувство слишком глубоко, чтобы могло измениться. Будем крепко надеяться на Бога; с его помощью все сладится в будущем году". Завершая свое интимное послание, великий князь изрек: "Если кто осмелится прочесть это письмо кроме тебя — да будет ему постыдно вовеки!!!" Конспиративная деятельность по устройству брака русского престолонаследника продолжалась несколько лет, и все вдруг неожиданно выплыло наружу лишь в конце 1893 г.

Императрица думала о будущей женитьбе сына, но была спокойна и уверена, что все решится по милости Всевышнего, для счастья ее Саши, России и самого Ники. Ей и в голову не могло прийти, что в столь важном, первостепенном деле они с императором окажутся в стороне до самого последнего момента. Цесаревич несколько раз намекал о своих чувствах к гессенской принцессе, но Мария Федоровна не поддерживала этих разговоров и старалась переключить беседу на другие темы. Эта партия ей не нравилась. Нет, ничего компрометирующего Алису она не знала. Но какое-то тайное женское чувство ей подсказывало, что эта холодная красавица не может сделать Ники счастливым. И неоднократно возникал такой простой, вечный материнский вопрос: что сын в ней нашел? Ответов вразумительных не было. Ники лишь сказал, что любит Аликс. Он-то, может быть, ее и любит, но вот любит ли она его? Мария Федоровна знала, что гессенская принцесса не хочет менять религию, а раз это так, то и говорить не о чем. Значит, надо думать о других комбинациях. И вдруг она узнает, что Сергей и Элла несколько лет заняты устройством брака Ники! Это был страшный удар. Потрясенная императрица решила во всем разобраться сама. Сын, который никогда не обманывал мать, показал ей переписку по этому поводу с дядей Сергеем и тетей Эллой. И выяснилось, что Сергей и Элла давно вели все

переговоры с Аликс, с ее отцом, а после его смерти (1892 г.) с ее братом Эрнстом-Людвигом, ставшим владетельным Гессенским герцогом. К осени 1893 г. дело очень подвинулось вперед, и Элла была убеждена, что вопрос о религии уже не будет препятствием. Дядя Сергей убеждал цесаревича поехать в Германию и самому провести решительное объяснение. Но наследник не мог пускаться в путешествие без согласия родителей. И он спросил у Марии Федоровны соизволения поехать. У той возникли вопросы, и мало-помалу стала вырисовываться вся картина. Царица была уязвлена до глубины души и немедленно все рассказала мужу. Тот был удивлен и озадачен. Согласия на поездку сына он не дал.

Еще ничего не зная о том, что эта история уже стала достоянием царя и царицы, но получив ответ Ники, где тот сообщал о невозможности своего приезда в Германию, великий князь Сергей Александрович в состоянии крайнего возбуждения 14 октября 1893 г. писал племяннику: "Какое фатальное впечатление произведет на нее твой ответ. Или у тебя нет ни характера, ни воли, или же твои чувства совсем изменились, а в таком случае более чем прискорбно, что ты прямо не сказал это жене или мне, когда мы с тобой об этом говорили в августе. Ты сам уполномочил жену поднять с нею этот вопрос: она все сделала, и когда все было готово — появляется твой непонятный ответ . Еще раз повторяю, что после этого все кончено , и жена тебя просит больше с нею не поднимать этого вопроса". Но все еще лишь только по-настоящему начиналось.

Когда великий князь с женой вернулись из-за границы в ноябре 1893 г., для них грянул гром. Мария Федоровна просто клокотала от негодования. Она имела резкое объяснение с Сергеем, но тот проявил, как она говорила, "удивительную бестактность" и не только не ощутил неловкости от всей этой истории, но и стал выговаривать ей, матери, что она губит счастье своего сына. Царица же заявила, что требует от Сергея и его жены, чтобы они никогда больше не касались этой темы и раз и навсегда усвоили, что это не их дело. Но Сергей Александрович считал, что это и "его дело", что, как член династии и как русский человек, он обязан содействовать тому, чтобы женой наследника и будущей русской

царицей стала девушка серьезная, образованная, любящая своего супруга. Брат царя не сомневался, что лучше Алисы невесты для Ники не найти.

После неприятного объяснения с царицей Сергей Александрович сообщал брату Павлу, что свидание Ники и Аликс могло бы все решить, но оно "не состоялось только из-за каприза Минни, из глупого чувства ревности к нам! Теперь ей горько придется в этом каяться; конечно, Ники теперь пустится во все нелегкие ... Просто страшно подумать — и мне делается нравственно и физически холодно ! Все это тем кончится, что Ники женится без любви на первой попавшейся принцессе или, чего доброго, на черногорке (князь имел в виду двух слишком эмансипированных дочерей князя Черногорского Милицу и Анастасию, ставших женами членов династии. — А. Б.) — и все из-за каприза Минни... Вот уж именно "счастье было так близко, так возможно", ибо, разумеется, при личном свидании любовь пересилила бы рассудок. Я глубоко скорблю и возмущаюсь на преступное легкомыслие Минни — это страшный грех на ее душе".

Александр III ни с братом, ни со свояченицей об этом деле не говорил, но царица знала, что он одного с ней мнения. Оба они были противниками этого брака.

В декабре 1893 г. Мария Федоровна заключила, что гессенская история завершилась. Ники получил сообщение от Аликс, что она окончательно решила не менять свою веру, а следовательно, вопрос о браке, как казалось, отпал сам собой.

Но Николай все еще не терял надежду и упросил родителей позволить ему самому переговорить со строптивой принцессой, которую одну только они любят. Случай представился весной 1894 г., когда в Кобурге должна была происходить свадьба гессенского герцога Эрнста-Людвига с дочерью Марии и Альфреда Эдинбургских Викторией-Мелитой (Даки). В столицу Саксен-Кобург-Готского герцогства город Кобург съезжались именитые гости со всей Европы во главе с королевой Викторией. И Ники должен был представлять там Дом Романовых. Мария Федоровна была

убеждена, что "его история" близка к завершению, и Ники лишь испытает моральные муки. Она сочувствовала ему. 2 апреля 1894 г. из Петербурга вышел поезд, в котором ехали наследник престола Николай Александрович, великий князь Сергей Александрович, великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Владимир Александрович, великая княгиня Мария Павловна и великий князь Павел Александрович. Четвертого апреля русские гости прибыли в Кобург.

Мария Федоровна оставалась в России, ждала известий и переживала. 7 апреля она писала своему сыну Георгию на Кавказ: "Бедный Ники был на грани отчаяния, потому что именно в день его отъезда Ксения получила письмо от сестры Эллы, в котором она сообщала, что никогда не переменит религию и просит сообщить об этом Ники. Ты представляешь, как приятно нам было это узнать и, главным образом, Ники уезжать под ударом этой новости. Если бы она написала об этом раньше, он бы, конечно, не поехал. Но в последний момент уже невозможно было изменить решение. От всего этого я ужасно переживаю за Ники, которого все эти годы ложно обнадеживали... Все мои надежды только на Бога. Он все делает к лучшему, и если Он хочет, чтобы это свершилось, это свершится, или же Он поможет нам найти настоящую [невесту]". Действительно, накануне отъезда Ксения Александровна получила письмо, где, размышляя о возможности своего брака с Ники, Алиса писала: "Душка, зачем ты опять говорила об этом предмете, который мы не хотели упоминать никогда? Это жестоко, ведь ты знаешь, что этого никогда не может быть — я всегда говорила это, и подумай, как это тяжело, если знаешь, что ты причиняешь боль тому человеку, которого больше всех ты хотела бы порадовать. Но этого не может быть — он это знает — и потому, молю тебя, не говори об этом снова. Я знаю, Элла опять начнет, но что в том толку, и жестоко все время говорить, что я ломаю ему жизнь, если для того, чтобы сделать его счастливым, я совершила бы осознанный грех. Все и так уже тяжело, и начинать все снова и снова так немилосердно".

Но искать больше "настоящую" не пришлось: 8 апреля 1894 г. в Кобурге

было объявлено о помолвке цесаревича и принцессы Алисы. Любовь сломала все преграды. Счастливый жених писал матери: "Милая Мама, я тебе сказать не могу, как я счастлив и также как я грустен, что не с вами и не могу обнять Тебя и дорогого, милого Папа в эту минуту. Для меня весь свет перевернулся, все, природа, люди, все кажется милым, добрым, отрадным. Я не мог совсем писать, руки тряслись... хотелось страшно посидеть в уголку одному с моей милой невестой. Она совсем стала другой: веселой, и смешной, и разговорчивой, и нежной. Я не знаю, как благодарить Бога за такое благодеяние". И Мария Федоровна была счастлива тоже. Она предала забвению все свои опасения и неудовольствия. На все воля Божья, а с этим спорить было невозможно. Летом 1894 г. императрица писала сыну в Англию: "Наша дорогая Аликс уже совсем как дочь для меня... Я более не хочу, чтобы она звала меня „тетушка“; „дорогая мама“ — вот кем я для нее буду с этого момента".

Потом много судачили по поводу того, почему же так долго "холодная красавица" сопротивлялась, но в конце концов согласилась? Кто видел в этом каприз, кто — позу, кто — расчетливую игру.

Что же в действительности заставляло Алису так долго не соглашаться на брак, несмотря на уговоры близких и дальних родственников, в числе коих был даже германский император Вильгельм II? В конце концов и бабушка, английская королева Виктория, сказала свое слово в пользу русской партии. Но даже это не сняло всех страхов и сомнений.

Конечно, вопрос перемены религии являлся первостепенным. При стойкой приверженности своим убеждениям гессенской принцессе было трудно переломить натуру. В таких вопросах для нее не имели особого значения голоса других. Подобная верность своим представлениям, неспособность переступить через себя во имя общественных целей, потом, когда она оказалась в России, сыграла в ее жизни весьма печальную роль. Алиса-Александра не умела (и не хотела уметь!) нравиться другим, не умела завоевывать к себе расположение. Но существовало и еще одно обстоятельство, способное объяснить всю предбрачную коллизию последнего русского царя. Страшила родовая

болезнь монархов, в том числе и потомков королевы Виктории, которая уносила в могилу до срока немало представителей европейских владетельных фамилий. Эта болезнь — гемофилия.

Принцесса из Дармштадта прекрасно знала, что она не только должна выйти замуж за красивого молодого человека, которого одного и любила, но и исполнить свой исторический долг: подарить Ники и огромной России здорового наследника.

Много читая и размышляя, она знакомилась и с тем, что написано о гемофилии. Но книги мало что объясняли. Утверждалось, например, что это Божья кара за грехи и, чтобы ее избежать, надлежало вести праведную жизнь. А в такой жизни, в этом она не сомневалась, не может быть места клятвopеступлению, то есть перемене религии.

Когда же она стала русской царицей, то все ее мысли, все ее страстные мольбы были обращены к Всевышнему, чтобы простил ей и ниспослал им с Ники высшее счастье — сына. И через десять лет после свадьбы, родив уже четырех дочерей, она познает эту несказанную радость: летом 1904 г. у них появится долгожданный сын, которого нарекут Алексеем. Но пройдет всего несколько дней, и откроется сокрушительная правда: мальчик болен гемофилией. И всю оставшуюся жизнь, каждый день, каждый час, она с иступленной преданностью станет бороться за спасение их "Солнечного Луча", используя все возможные и невозможные средства в кризисные минуты обострения болезни. Когда же на перепутье жизни появится Распутин и докажет живыми примерами наперекор врачам, что только он способен вырывать "Маленького" из лап смерти, то изболевшееся сердце матери увидит в нем посланца свыше. Александра Федоровна беспредельно поверит этому человеку и останется верной ему до конца.

Несмотря на тяжелые предчувствия, сомнения и страхи, будущего не знал никто. Не знала его и принцесса Аликс. Она бесконечно любила цесаревича, "своего мальчика", и наконец решилась сказать "да". Они расстались в конце апреля 1894 г.: он поехал в Россию, у него были служебные обязанности. А она поехала к родным, сначала в Дармштадт,

а затем в Англию, куда должен был тем летом приехать ее суженый. Они переписывались. Она отправляла письма пространные и страстные.

"Не забудь поговорить с твоим Отцом, о чем я просила, т. е. о том, чтобы мне не пришлось „клятвенно отречься“ от моего прежнего вероисповедания. Дорогой мой, ты мне поможешь, не правда ли? Ведь ты знаешь, что будет тяжело, но с Божьей помощью я научусь любить твою религию и постараюсь быть лучшей христианкой, а имея около себя тебя — все будет легче". "О, как я хотела бы прижать тебя к моему сердцу и поцеловать твою голову, дорогой мой, милый! Я так одинока без тебя. Да благословит и да сохранит тебя Бог, дорогой мой, и да ниспошлет Он тебе безмятежный и сладкий сон". "Ах, как я скучаю без тебя, любимый ты мой, ты для меня ВСЕ". "Ах, если бы ты был здесь, ты бы меня поддержал, ты такой религиозный, ты должен меня понять. Как я волнуюсь, но Бог мне поможет и ты тоже, дорогой мой, для того, чтобы я стала лучшей христианкой и служила бы моему Богу так же, как до сих пор, и даже лучше. Смогу ли я достаточно отблагодарить Его за то, что Он мне подарил твое сердце!" "Дорогой мой, если бы ты был всегда около меня, ты бы помогал мне и направлял бы меня на путь истины. Я не стою тебя, я знаю, что мне еще надо многому научиться, потому повторяю — отложим пока нашу свадьбу, хоть разлука и тяжела, но лучше не спешить. Подумай хотя бы о религиозном вопросе: ты не можешь ожидать, чтобы я все сразу поняла, а знать что-либо наполовину нехорошо. Я должна хоть немножко знать язык, чтобы быть в состоянии хоть немного следить за службами".

Вопрос о дате свадьбы еще не был решен: Николай настаивал на том, чтобы это произошло как можно скорее, а невеста хотела отложить все на весну следующего, 1895 г. Так же считали и царь с царицей. Однако скоро события приняли совершенно неожиданный оборот. Все завертелось, ускорилось и решилось так, как невозможно было предвидеть еще совсем недавно.

1894 год оказался переломным рубежом в истории России. Главным событием его стала смерть императора Александра III и воцарение

последнего российского самодержца. Однако произошла не только смена венценосца; постепенно стали обозначаться перемены в курсе государственной политики, во всем строе жизни государства и общества. В любой авторитарной системе личность верховного правителя играет огромную роль, вольно или невольно накладывая заметный отпечаток на различные стороны общественной и политической деятельности. Особенно велика эта роль при монархическом авторитаризме русского образца — единовластии, базировавшемся на харизматическом принципе.

Власть царя опиралась на божественное соизволение; он венчался на царство и принимал присягу у алтаря. Монарх в России отвечал за свои дела не перед смертными, а перед Богом, что для православного христианина (последние монархи были глубоко верующими людьми) являлось абсолютной формой ответственности. Известный деятель правого толка князь В. П. Мещерский уже в XX в. писал, что "самодержавный русский царь ответственностью перед Богом и своею совестью несравненно более ограничен, чем президент Французской республики". Подобные представления о верховной власти, лежавшие в основе монархической государственности, возникли еще до воцарения Романовых. В имперский же период русской истории самодержавная модель государственного устройства проявилась во всем блеске своих достоинств, несуразностей и недостатков. И последним коронованным носителем этой идеи, последним полноправным самодержцем был именно Александр III, преждевременно сошедший в могилу на пятидесятом году жизни. Его сыну досталась во многом уже совсем иная роль.

В январе 1894 г. стало известно, что царь тяжело заболел пневмонией и несколько дней находился в критическом состоянии. Хотя он вскоре излечился от простуды, но обострилась давняя почечная болезнь, и на протяжении последующих месяцев его состояние то улучшалось, то ухудшалось, пока не наступили роковые дни октября. Уже с сентября по совету врачей монарх находился в Ливадии, в Крыму, где несколько недель под контролем лучших отечественных и европейских медиков

боролся за жизнь. Развязка наступила 20 октября: в 14 часов 07 минут император скончался. Его кончина стала огромным потрясением для императорской фамилии, для всех русских монархистов, видевших в умершем сильного, властного и справедливого самодержца, более тринадцати лет управлявшего Россией и сумевшего побороть смуту, растерянность и неопределенность последних лет царствования его отца, императора Александра II.

Русская великая княгиня и греческая королева Ольга Константиновна (жена греческого короля Георга I и двоюродная сестра Александра III) в письме своему брату, президенту Российской академии наук великому князю Константину Константиновичу, описала смерть императора в Ливадии и свое состояние: "Надо только удивляться, что сердце человеческое может вынести подобное волнение! Императрица убита горем; с каждым днем это горе становится тяжелее, потеря ощущается все больше, пустота ужасная! Конечно, один Господь может утешить, исцелив такую душевную боль. Перед ее скорбью как-то не решаешься говорить о своей, а ведь нет души в России, которая бы не ощущала глубокой скорби, это собственная боль каждого русского человека! Он умер как Он жил: просто и благочестиво; так умирают мои матросики, простой русский народ... В 10 часов утра, когда Он причащался, Он повторял каждое слово молитв: „Верую Господи и исповедую“ и „Вечери Твоей тайный“ и крестился. Всем нам он протягивал руку, и мы ее целовали... Никогда не забуду минут, когда Ники позвал меня под вечер посмотреть на выражение Его лица... Мы долго с Ники стояли на коленях и не могли оторваться, все смотрели на это чудное лицо".

Греческая королева стояла вечером 20 октября 1894 г. на коленях перед гробом усопшего монарха рядом с новым императором Николаем II. Уже через полтора часа после смерти отца в маленькой ливадийской церкви ему стали присягать лица императорской свиты и другие должностные чины. Началась эпоха последнего царствования, длившаяся более 22 лет. "Милый Ники" превратился в самодержца, наделенного огромными властными функциями. Он стал руководителем великой мировой державы

и главой императорской фамилии. Ему было всего 26 лет.

О последнем русском царе за последние сто лет написано и сказано невероятно много. Если же приглядеться ко всем этим суждениям и умозаключениям, то нельзя не заметить две главные тенденции, два основных подхода, которые условно можно обозначить как уничижительно-критический и апологетический. В первом случае на Николая II Александровича возлагают главную ответственность за крушение монархии и России; его обвиняют в неумении владеть ситуацией, в неспособности понять нужды времени, потребности страны и осуществить необходимые преобразования для предотвращения нарастания напряженности. Согласно этим расхожим представлениям, в критический момент русской истории на престоле оказался недееспособный правитель, человек небольшого ума, слабой воли, рефлексирующий, подверженный реакционным влияниям.

Другая мировоззренческая тенденция прямо противоположна первой и оценивает последнего монарха в превосходных степенях, приписывая ему множество благих дел, чистоту помыслов и величие целей. Его жизнь — это крестный путь России, это судьба истинного православного христианина, павшего жертвой злокозненных устремлений космополитических антирусских кругов, довершивших свое черное дело ритуальным убийством царской семьи в Екатеринбурге в 1918 г. Подобные взгляды до сих пор широко распространены в кругах русской монархической эмиграции, а Русская Зарубежная Православная Церковь в 1981 г. причислила царя и его близких к лику святых.

Кто прав? Где истина? В какой же цветовой гамме, в темной или светлой, создавать облик Николая II? Какими красками рисовать последние годы его царствования? Однозначно на эти вопросы вряд ли кто-либо рискнет сейчас ответить. Одномерные подходы, схематизм и догматизм, так долго определявшие ракурс видения прошлого, не могут адекватно отразить то время. Все, что было написано о последнем русском царе, почти всегда ангажировано политическими интересами, идеологическими и политическими пристрастиями авторов. Тема эта до настоящего времени

еще не освобождена от предубеждений прошлого, от клише и ярлыков длительной социально-идеологической конфронтации. И неудивительно, что до сих пор не написано сколько-нибудь полной исторической биографии Николая II. Существующие же сочинения в подавляющем большинстве откровенно необъективны.

Николай II принял монарший скипетр на переломе эпох; ему пришлось стоять у руля огромной державы в сложное и бурное время, когда подвергались переосмыслению и отбрасывались многие традиционные идеологические ценности, когда все громче и громче звучали голоса о необходимости преобразования России по меркам западных стран. Молодой император, выросший и воспитанный в простой атмосфере патриархальной русской семьи, в первые годы своего правления никаких новаций не признавал, намереваясь "тверда и неколебимо" стоять на страже тех принципов власти, тех устоев и основ, которые так твердо и последовательно отстаивал Александр III.

Для Николая II смерть отца была глубоким потрясением 20 октября 1894 г. он занес в дневник: "Боже мой, Боже мой что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого, дорогого, горячо любимого Папа. Голова кругом идет, верить не хочется — кажется до того неправдоподобной ужасная действительность". Любящий и послушный сын переживал не только потерю близкого человека. Его мучили страхи и опасения, связанные с новой для себя общественной ролью, с той невероятной ношей, которая была возложена судьбой на его плечи. Через шесть месяцев после воцарения царь писал своему дяде, великому князю Сергею Александровичу: "Иногда, я должен сознаться, слезы навертываются на глаза при мысли о том, какую спокойною, чудною жизнь могла быть для меня еще на много лет, если бы не 20-е октября! Но эти слезы показывают слабость человеческую, эти слезы — сожаления над самим собой, и я стараюсь как можно скорее их прогнать и нести безропотно свое тяжелое и ответственное служение России".

При жизни Александра III цесаревич хоть и касался дел государственного управления, однако никаких ответственных решений

не принимал. Теперь же все взоры были устремлены на него. Он стал центром огромной империи, ее верховным хранителем и поводырем.

В связи с воцарением Николая II много было разговоров о том, успел ли отец передать сыну какие-либо наставления по управлению государством. В некоторых публикациях можно даже найти ссылки на завещание Александра III, содержавшего перечень рекомендаций и заповедей. Но на самом деле никакого предсмертного документа подобного рода не существовало. Великий князь Константин Константинович имел разговор по этому поводу с молодым царем. "Я спрашивал, — записал К. Р. в своем дневнике 7 декабря 1894 г., — слышал ли Он советы от Отца перед кончиной? Ники ответил, что Отец ни разу и не намекнул Ему о предстоящих обязанностях. Перед исповедью Отец Янышев спрашивал умирающего Государя, говорил ли Он с наследником? Государь ответил: нет, он сам все знает". Да и не существовало никаких магических секретов, никаких сформулированных правил по управлению державой. Надо было иметь чистое сердце, искренне любить Россию и верить в Бога. Этими качествами сын обладал, и отец его знал об этом.

Для Николая II самодержавие было символом веры, тем догматом, который не мог подлежать не только пересмотру, но и обсуждению. Россия и Самодержавие были вещи неразрывные. В том он никогда не сомневался, и когда уже в конце, под воздействием драматических событий, отрекся от прав на прародительский престол, то с болью в сердце увидел правоту своего старого убеждения: падение власти царей неизбежно ведет и к крушению самой России. Он прекрасно знал русскую историю, дела своих предков, а любимыми и особо почитаемыми среди них были второй царь из династии Романовых Алексей Михайлович и отец, император Александр Ш.

Николай II на первых порах многого не знал, во многие таинства государственного управления не был посвящен. Но одно он знал наверняка с самого начала: надо следовать курсом, каким вел страну его дорогой отец, при котором, как он это знал наверняка, страна добилась

социальной стабильности и завоевала прочные позиции на мировой арене. Но в первые недели царствования знакомиться с глобальными проблемами, решать какие-то перспективные вопросы просто было некогда. Навалилась такая лавина текущих дел и забот, что и дух перевести было некогда.

Тяжелое состояние императора Александра III заставило ускорить приезд невесты цесаревича: уже 10 октября 1894 г. она была в Ливадии. Здесь ее благословил царь. Эти дни были для нее неимоверно трудны: кругом царила напряженная атмосфера, всё и все вращались около умирающего императора и на гессенскую принцессу мало обращали внимания. Было не до нее. Ей даже Ники приходилось видеть урывками, так как в те дни на него "наседали" со всех сторон. Потом наступило это ужасное 20 октября. На следующий день, 21 октября, в жизни Алисы произошло важное событие: она приняла православие и была при миропомазании наречена благоверной великой княгиней Александрой Федоровной.

Надлежало решать вопрос о браке. Решать незамедлительно. Думали, что успеют совершить бракосочетание при жизни Александра III, но не успели. Как быть дальше? В стране объявлен национальный траур, впереди длительные печальные похоронные церемонии. Николай II и императрица Мария Федоровна считали, что надо венчаться еще в Ливадии, рядом с покойным, который так радовался счастью Ники и от всего сердца благословил жениха и невесту. Сыну и матери казалось, что не должно быть никаких торжеств; все надлежит сделать скромно, по-семейному. Но против этого единым фронтом выступили великие князья. Они были уверены, что это важное государственное событие и его следует обставить с подобающей торжественностью. В конце концов великокняжеская точка зрения одержала верх: 14 ноября 1894 г., в день рождения императрицы Марии Федоровны, когда церковная традиция разрешала ослабить траур, в Зимнем дворце в Петербурге Николай II и Александра Федоровна стали мужем и женой. В тот день в России появилась новая императрица, а Мария Федоровна получила

официальный титул "вдовствующая императрица". По окончании брачной церемонии не было никаких балов, а молодожены не совершали традиционного свадебного путешествия.

За неделю до того, 7 ноября 1894 г., в Петропавловском соборе состоялось погребение Александра III. В России началась эпоха последнего царствования. Вскоре после восшествия на трон Николай II заявил: "Да поможет мне Господь служить горячо любимой родине так же, как служил ей мой покойный отец, и вести ее по указанному им светлomu и лучезарному пути". Он целиком разделял точку зрения ревностного охранителя незыблемых основ исторической власти князя В. М. Мещерского, в 1914 г. написавшего царю: "Как в себе ни зажигай конституционализма, ему в России мешает сама Россия, ибо с первым днем конституции начнется конец единодержавия, а конец самодержавия есть конец России". Русские консерваторы, убежденные сторонники неограниченной ("исконной") монархии, не имели для страны никаких рецептов, использование которых осовременило бы политическую систему, придало бы новые импульсы государственному организму. Сформулированный еще в первой половине XIX в. теоретический постулат: самодержавие, православие, народность, служил лишь для декоративного украшения фасада исторической власти и в силу своей отвлеченности и неопределенности не мог быть реализован на практике.

В отличие от традиционных консерваторов, неизменно искавших ориентиры для будущего лишь в прошлом, Николай II со временем все больше и больше убеждался, что такой подход в государственных делах неприемлем. Улучшения и изменения необходимы, в том последний царь никогда не сомневался. Однако всегда считал, что любые новшества надо вводить постепенно при обязательном сохранении в неприкосновенности главного элемента русской государственности — самодержавного института. Он деятельно поддерживал в 90-е годы XIX в. курс министра финансов С. Ю. Витте, нацеленный на индустриальную модернизацию страны. Эта политика — форсированного развития промышленности — приносила свои плоды, и к началу XX в. Россия из страны аграрной

превращалась в аграрно-индустриальную (удельный вес промышленного сектора в совокупном национальном доходе приблизился к 50%). Но по иронии русской судьбы все последующие лавры преобразователя достались амбициозному министру финансов, хотя без поддержки монарха никаких результатов Сергею Витте достичь бы не удалось, а его служебная карьера завершилась бы очень скоро.

Схожая ситуация сложилась и в начале XX в., когда власть приступила к обширной, жизненно важной программе переустройства землевладения и землепользования на принципах частной собственности, в соответствии с законами рыночной экономики. Реализатором ее был премьер-министр и министр внутренних дел Петр Аркадьевич Столыпин, по имени которого она и была названа "столыпинской". Почти пять лет, начиная с конца 1906 г., "сильный премьер" олицетворял курс, имевший целью глубокую социальную реорганизацию, создание обширного слоя мелких "крепких" хозяев, справедливо видя в этом исходное условие общей политической стабилизации в стране. С исторической точки зрения очевидно, что это была последняя попытка удержать Россию на эволюционном пути развития.

А со всех сторон улюлюкали, отовсюду неслись крики недовольных, постоянно звучали голоса возмущения "методами", "приемами", "целями". Негодовали все левые круги, прекрасно осознавая, что претворение в жизнь столыпинской программы неизбежно сведет на нет все их попытки разжечь революционный пожар. Возмущались правые, укоряя премьера в либеральном уклоне, считая, что политика кабинета ведет к подрыву "исконных основ и начал". "Праведным гневом" горели сердца русских либералов, убежденных "раз и навсегда", что власть архаична, реакционна и не способна превратить Россию "в современное государство". Лишь немногие понимали, что столыпинские реформы — действительно единственный спасительный шанс, что, невзирая на сложности, препятствия, противоречия, в обозримой перспективе именно такой путь — единственно возможный и верный. Но политические "потребности момента" превалировали над здравым смыслом и

стратегически значимой целью. В числе немногочисленных сторонников премьера был и император, для которого обустройство крестьянства было давним желанием и мечтой. Он об этом неоднократно писал и говорил. Когда же началась революция 1905— 1907 гг., то окончательно убедился, что надо форсировать государственную деятельность по улучшению положения крестьянства.

Принимая в Царском Селе 18 января 1906 г. депутацию курского крестьянства, царь говорил: "Всякое право собственности неприкосновенно; то, что принадлежит помещику, принадлежит ему, то, что принадлежит крестьянину, принадлежит ему. Земля, находящаяся во владении помещиков, принадлежит им на том же неотъемлемом праве, как и ваша земля принадлежит вам. Иначе не может быть, и тут спора быть не может". Через две недели, 2 февраля 1906 г., обращаясь к представителям Тамбовского и Тульского дворянства он заявил: "Вы знаете, как дороги мне интересы всех сословий, в том числе и интересы дворянства, но в данное время меня наиболее заботит вопрос об устройстве крестьянского быта и облегчения земельной нужды трудящегося крестьянства, при обязательном условии охранения неприкосновенности частной собственности.

В подходе царя к аграрному — важнейшему вопросу русской жизни, можно выделить два основных момента. Во-первых, реформы нельзя проводить в период смуты; необходим общественный порядок и спокойствие. Во-вторых, ни в коем случае нельзя подыгрывать низшим инстинктам и признавать в какой-то форме принцип насильственного перераспределения земли, к чему призывали радикалы всех мастей и в сторону чего склонялись либералы и их главная политическая организация — конституционно-демократическая партия ("кадеты"). Он был согласен со Столыпиным, что задача состоит не в том, чтобы у одних отнять, а другим дать. Таким путем решить проблему крестьянского малоземелья было нельзя.

Требовалось без ущемления имущественного интереса других создать финансовые и административные рычаги для обустройства крестьян, для

подъема агрокультуры, развития современных способов хозяйствования. Тогда и потом много говорили о том, что нежелание царя покуситься на латифундии диктовалось тем, что он защищал лишь "интересы помещиков". Но царь стоял на страже основополагающего государственного принципа, что в условиях России, где в народной среде были очень сильны уравнилельно-общинные настроения, являлось залогом постепенного реформирования, а не разрушения. Николай II относился к числу немногочисленных сторонников первого министра. Если бы не поддержка монархом Петра Столыпина, то главе кабинета не только бы не удалось осуществлять намеченное, идя против течения, но и самого бы его просто не было бы на втором по важности посту в империи.

"Сильный премьер" находился на своем посту более пяти лет, и почти все это время вокруг его персоны циркулировали слухи и предположения самого нелицеприятного свойства. О нем судили и рядили все кому не лень; его обвиняли во всевозможных грехах и провинностях — от скудоумия до казнокрадства. Причем об этом шушукались не только в гостиных, в кругу "своих", оскорбительные намеки и ярлыки сыпались с трибуны Государственной Думы и со страниц столичных газет. И чуть ли не каждую неделю предрекали "падение кабинета". Так как "падения" все никак не происходило, то сочиняли всякие другие небылицы. Очень распространенной была, например, такая: царь с трудом выносит первого министра, но боится его и не решается отправить в отставку.

Когда же 1 сентября 1911 г. в результате халатности, безответственности и головотяпства некоторых чинов полиции в Киевском театре на Петра Столыпина было совершено покушение и он вскоре скончался, то тут же началась настоящая вакханалия версий и предположений. Тот факт, что террорист некоторое время являлся платным информатором полиции, разогревал воображение. Говорили и писали невесть что. Некоторые в пылу разоблачительного угара намекали даже на возможность причастности к убийству самых высокопоставленных лиц. Потом уже, когда пала монархия, ретивые

разоблачители царизма договорились до того, что тот роковой выстрел якобы прозвучал с молчаливого благословения самого царя! Ни одного факта, ни одного документа в пользу подобного утверждения никогда не было приведено, так как их просто не существовало.

Николая II трудно причислить к разряду убежденных реформаторов, но его и несправедливо относить (как это часто делается) к числу политических ретроградов, стремившихся не допустить никаких нововведений. Он обладал одним очень ценным качеством для политика: умел принимать новые реальности даже в тех случаях, когда они не соответствовали его собственным представлениям. Во имя высших интересов он находил мужество переступить через собственное "я", хотя это давалось с большим трудом. Так было в 1905 г., когда он пошел на издание Манифеста 17 октября, так было в период учреждения и существования Государственной Думы, так было и 2 марта 1917 г., когда во имя блага России он перечеркнул собственную судьбу и жизнь.

Первые годы после воцарения Николая II во внешней и во внутренней политике России ничего существенно не менялось. Большое влияние при дворе продолжали сохранять те же лица, которые играли важные роли при правлении Александра III. Это такие известные деятели консервативного толка, сторонники неограниченной монархии, как возглавлявший с 1880 г. Ведомство Священного Синода его обер-прокурор К. П. Победоносцев; издатель первого журнала "Гражданин", неустанный критик всех истинных и мнимых либеральных поползновений государственной власти князь В. П. Мещерский (внук историка Н. М. Карамзина); представитель родовитейшего российского барства, министр императорского двора граф И. И. Воронцов-Дашков, военный министр, генерал от инфантерии П. С. Ванновский и некоторые другие.

В состоявшем почти исключительно из сановно-аристократических персон чванливом "петербургском свете" сначала были убеждены, что царь молод и неопытен, в силу чего ему нужен умный и вполне благонадежный наставник в государственных делах, естественно, из числа тех, кто по праву своего рождения или служебного положения

принадлежал к высшему обществу. В богатых столичных гостиных внимательно следили и заинтересованно обсуждали каждый шаг нового правителя, каждый реальный или намечавшийся "извив" политики. Позднее в этих кругах возобладало мнение: император "слишком слаб", чтобы железной рукой навести порядок в стране, покончить с беспрестанной "революционной смутой", а в своей деятельности он руководствуется советами "не тех людей".

Для истории последнего царствования характерна особенность, не присущая предыдущему периоду: недовольство, скептическое отношение ко всем начинаниям власти. Либерализация общей атмосферы в стране, отмирание старых приемов и норм государственного управления постепенно меняли и отношение к государственной службе, отношение к особе монарха. Решения царя уже не спешили исполнять даже те, кто был связан клятвой верности, которую давали при вступлении в должность все государственные служащие, как военные, так и гражданские. Какое бы решение он ни принял по совету одних, это тут же встречало противодействие и критику других. Воля монарха далеко не всегда превращалась в дело России. Русский традиционный (самодержавный) монархизм сходил на нет.

После восшествия на престол Николая II быстро стало ясно, что новый царь, в отличие от предыдущего, не обладает крутым нравом, а нерадивое исполнение поручений и приказов не чревато немедленной потерей должности, содержания, а уж тем более ссылкой. Можно было не спешить делать порученное дело, можно было выжидать, можно было волынить. Можно было распространять немыслимые слухи с венценосцах, и ими не только не возмущались, не только не препятствовали, но с жадным интересом подхватывали и распространяли. За сплетни и слухи уже не наказывали, не пытали и не ссылали (как, например, при столь чтимом отечественными интеллектуалами Петре I).

Называя себя монархистами, многие из родовитых и влиятельных господ деятельно способствовали падению монархии, так как в авторитарно-самодержавной системе сила власти и престиж власти — вещи

неразрывные. Инсинуации и клевета по адресу царя, дискредитирующие разговоры, эпатажные заявления и оскорбительные утверждения разрушали традиционный ореол верховной власти в глазах народной массы и ускоряли приближение крушения. По мере того как ситуация в стране усугублялась, немалое число должностных лиц и чуть ли не все общественные деятели начинали винить в неурядицах и неудачах исключительно монарха и его окружение. Накануне падения монархии эти оценки сделались беспощадными.

После убийства Распутина великий князь Николай Михайлович (внук Николая I, двоюродный дядя Николая II) занес в свою записную книжку: "Не могу еще разобраться в психике молодых людей (речь идет об убийцах одиозного проповедника. — А. Б.). Безусловно они невропаты, какие-то эстеты, и все, что они совершили, — хотя очистили воздух, но полумера, так как надо было обязательно покончить и с Александрой Федоровной и с Протопоповым (министр внутренних дел. — А. Б.)". И это написал член династии! Или вот еще один образчик социального безумия: выдержка из письма жены председателя Государственной Думы М. В. Родзянко, Анны Николаевны, к княгине З. Н. Юсуповой (матери убийцы Распутина), отправленного в середине февраля 1917 г.: "Эта кучка, которая всем управляет, потеряла всякую меру и зарывается все больше и больше. Теперь ясно, что не одна Александра Федоровна виновата во всем; Он, как русский царь, еще более преступен".

Подобное писали люди, близко стоявшие к трону, жившие в благополучии и роскоши, обязанные своим положением той самой монархической власти, которую в лице царя так страстно поносили. Они были недовольны, что царь слушал "не тех", назначал на должности "не тех". К таким недовольным относился, например, историк-графоман Николай Михайлович, сочинявший обширные труды, примечательные лишь тем, что содержали уникальные документы из фамильных архивов, к которым другим историкам доступа не было. Этот великий князь вместе со своим братом Александром Михайловичем, другом юности последнего царя, вступил в масонскую ложу, что было для представителей их круга

шагом недопустимым, оскорбляющим дела предков, память умерших, так как принадлежность к тайному братству "вольных каменщиков" исключала уважительное отношение и к самодержавию, и к православию.

Царь не слушал и "умных наставлений" председателя Думы, "камергера двора Его Императорского Величества" Михаила Родзянко. Это было действительно так по той простой причине, что ничего вразумительного этот шумный пустослов не предлагал и предложить не мог. Все его призывы, вся его скандально-бесславная карьера — наглядное тому подтверждение. Он, как и его жена, у которой, как некоторые утверждали, глава парламента был "под каблуком", прослыли в столице записными сплетниками. Именно Родзянко был одним из самых деятельных пропагандистов распутинской истории, несколько лет непрерывно раздувая "общественное возмущение".

И уж если подобные настроения отличали тех, кто находился на верху социальной пирамиды, то что же надо было ждать от других, не вознесенных в высокие сферы, кто был вне царских милостей и благодеяний, кто сызмальства воспитывался и пропитывался стойкими чувствами ненависти к царской "деспотии", к русской "азиатчине". В той ситуации позиция, скажем, таких деятелей, как А. Ф. Керенский или В. И. Ленин, была понятной, логичной и единственно возможной для них. Но для представителей дворянства, аристократии, фабриковавших антицарские сплетни, а затем и почти открыто ратовавших за насильственные действия против власти, да еще в период жесточайшей войны, это было показателем глубокого психологического недуга. И здесь не имела особого значения реальная политика, конкретные шаги и решения, принимаемые властью; все они безусловно встречались в штыки. Сначала ограничивались лишь тихими разговорами в своих салонах и кабинетах, а со временем так осмелели, что могли уже и публично поносить и хаять всех и вся.

Многие из тех, кто пережил революцию, коротали свои дни на "дальних берегах" и через годы, вспоминая "погибшую Россию", с маниакальной

одержимостью все еще твердили, что "главная вина на царе и его окружении". Сами же они, именитые и безродные, влиятельные и безвестные, делали свое дело исключительно честно и самоотверженно, а вот царь... Никто почти не раскаялся и не покаялся и не понял того, что стало очевидностью: в русском апокалипсисе все были виноваты и все стали жертвами. Конечно, степень вины различна, но ведь оказалась различной и "цена жертвы". В конечном итоге последний царь заплатил самую дорогую из возможных.

Та государственная система, которую наследовал Николай II, первое время работала в "ранее заданном режиме", и надобности в существенных политических преобразованиях не было никакой. Хотя сразу же после воцарения со стороны некоторых общественных групп раздались голоса о необходимости "привлечь представителей общества к принятию государственных решений", но подобные робкие голоса в расчет можно было не принимать. Однако и в первые десять лет правления, в эпоху "чистого абсолютизма", курс государственной политики никогда не был результатом своеволия или каприза монарха.

Практически любой государственный акт, любая законодательная или административная мера всегда были результатом усилий определенного круга, выражением коллективных усилий. Но настало такое время, когда надо было принимать решения, касающиеся изменений традиционной практики власти. Драматическое столкновение между традицией и новыми веяниями — стремлением ввести представительные учреждения, установить либерально ориентированные общественные порядки, "как в Европе", — произошло в 1905 г. В том году в России началась революция, смута, которой, начиная со времен XVII в., в России не было. Неудачная русско-японская война 1904-1905 гг. стала непосредственным детонатором событий.

Отсчет хронологии этого "политического землетрясения" ведется от воскресенья 9 января 1905 г., когда в Петербурге состоялось многотысячное шествие рабочих к Зимнему дворцу, закончившееся трагически. Тот день получил название "Кровавого воскресенья" и

навсегда остался в летописи отечества днем скорби. О событиях его написано множество книг, опубликовано огромное количество материалов, но до сих пор не все в тех событиях поддается простому и однозначному объяснению. В центре драмы оказался уроженец Полтавской губернии священник Г. А. Гапон (1870-1906) — личность во многих отношениях темная. Обладая даром слова и убеждения, он занял заметное место в рабочей среде Петербурга, организовав и возглавив в 1904 г. вполне легальную общественную организацию "Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга".

Эта организация, как и ряд прочих, появившихся в России в первые годы XX в., пользовалась расположением властей, и ее деятельность первоначально протекала под покровительством департамента полиции. То был период "полицейского социализма". Его возникновение неразрывно связано с именем полковника С. В. Зубатова, возглавлявшего в 1896-1902 гг. Московское охранное отделение, а затем занявшего в центральном аппарате Министерства внутренних Дел пост начальника Особого отдела. В молодости он сам увлекался революционным движением, но затем разочаровался в нем и превратился в убежденного сторонника самодержавия, считая, что гибель монархии станет гибелью России. "Те, кто идут против монархии в России, — наставлял С. В. Зубатов, — идут против России; с ними надо бороться не на жизнь, а на смерть". И он боролся, хотя результаты его деятельности оказались в некоторых отношениях обратными ожидавшимся.

Широко мыслившие правоверные монархисты, к числу которых относился полковник С. В. Зубатов, еще задолго до 1905 г. разглядели новую и невиданную раньше опасность — рабочее движение, которое постепенно разрасталось, охватывало новые районы, новые группы наемных тружеников. Имущественное и бытовое положение этой категории населения было чрезвычайно трудным. Рабочие, в отличие от крестьян, концентрировались компактными массами вокруг промышленных предприятий в крупных индустриальных центрах. Их проблемы и нужды мало кого интересовали, что делало их

восприимчивыми к радикальной, в первую очередь к социалистической, агитации, исходившей от нарождавшихся радикальных группировок марксистского толка. Рабочая среда могла стать угрожающим "взрывным материалом". С целью предотвратить подобное развитие событий С. В. Зубатовым была предложена идея создания под контролем властей легальных союзов, выражающих и отстаивающих интересы рабочих.

Замысел базировался на убеждении, что русский царь находился вне партий, был главой всего русского народа, а не какой-то отдельной его части. Поэтому беды рабочих не могли оставаться безразличны властям, монархом поставленным. Министерство внутренних дел и его глава в 1899 — 1902 гг. Д. С. Сипягин выступали в известном смысле антиподом Министерства финансов, возглавляемого С. Ю. Витте, питавшим преувеличенное расположение к промышленникам. Идею создания под патронажем власти рабочих союзов и самого С. В. Зубатова поддержал дядя Николая II, московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович. Брату, великому князю Павлу Александровичу, он писал 6 февраля 1902 г.: "Сегодня у меня были приятные минуты: я принимал депутацию рабочих со всех механических заводов и мастерских Москвы, которым я устроил и провел устав общества самопомощи. Дело очень интересное, серьезное, даже скажу опасное — обоюдоострое, но, по моему крайнему разумению, необходимое по теперешним временам".

Власть не могла оставаться в стороне конфликта между рабочими и хозяевами и должна была стать беспристрастным арбитром в их спорах, дать рабочему люду надежду и поддержку против "акул капитализма" и "хищников наживы". Подобный социальный романтизм способствовал возникновению и гапоновской организации в Петербурге, устав которой был утвержден 15 февраля 1904 г. К концу года она уже имела 17 отделений (отделов) во всех рабочих районах столицы. Задача общества состояла в том, чтобы способствовать трезвому и разумному времяпрепровождению, укреплению русского самосознания, правовому просвещению. Члены организации платили небольшие взносы, имели возможность пользоваться бесплатной юридической консультацией,

библиотекой, посещать лекции, концерты. Собирались рабочие в специальных помещениях, клубах или чайных, где и происходили встречи и беседы. Такие собрания посещала тысячи человек. И постоянно перед ними выступал Г. Гапон, страстно клеймивший хищников — хозяев, рисовавший проникновенные картины общественной несправедливости, что вызывало живой отклик у слушателей. "Батюшка" быстро прослыл радетелем за "народное дело". Вся эта деятельность протекала под контролем Департамента полиции, и из полицейских источников Гапон получал финансовые субсидии.

Трудно точно установить, когда именно возникла идея идти к царю и просить у него "правды и защиты", но уже в декабре 1904 г. она широко обсуждалась на собраниях. В начале января 1905 г. на крупнейшем предприятии Петербурга — Путиловском заводе вспыхнула стачка, вызванная увольнением нескольких рабочих. Забастовка быстро начала распространяться, и к ней начали примыкать рабочие других предприятий и районов. Это событие ускорило ход дел, и рабочие почти единогласно принимали решение идти к царю с петицией. Но с полным перечнем самих требований рабочие в массе своей ознакомлены не были: он был составлен небольшой "группой уполномоченных" под председательством Гапона. Рабочие лишь знали, что они идут к царю просить "помощи бедному люду". Между тем наряду с экономическими пунктами в петицию был внесен целый ряд политических требований, некоторые из которых затрагивали основы государственного устройства и носили откровенно провокационный характер. В их числе: созыв "народного представительства", полная политическая свобода, "передача земли народу" и др.

Знал ли сам Гапон и кучка его социалистов-приспешников, которые выдвигали требования заведомо невыполнимые, что сам акт "народного шествия" может привести к непредсказуемым результатам? Да, безусловно, знал и надеялся как раз на это. Составители петиции не только выдвигали перечень требований, но и желали, чтобы царь тут же перед толпой "покаялся выполнить их", что было совершенно нереально.

Экстремистам, а к числу их несомненно принадлежал и непосредственный организатор, всегда, во все времена, нужна кровь, нужно насилие, способные сделать нереальное реальным, разрушить незыблемое для достижения своих бредовых и безумных целей. И провокация 9 января 1905 г. в полной мере удалась. Уже потом выяснилось, что Гапон давно замышлял провокационное действие, способное поколебать устои и вызвать смуту в стране. Этот человек был абсолютно аморален. Он лгал властям, изображая из себя законопослушного гражданина, лгал людям, уверяя, что их интересы и чаяния ему ближе всего на свете, лгал Богу, говоря о мире и любви, а в душе поклоняясь террору и насилию. Он мастерски лицедействовал.

Власти военные и полицейские показали свою беспомощность и вместо того, чтобы изолировать десяток организаторов, долго полагались на "слово Гапона", уверявшего их, что шествие не состоится. Самого Николая II в эти дни в Петербурге не было, и идея вручить ему петицию в Зимнем дворце была просто абсурдна. Власти наконец уразумели, что Гапон ведет двойную игру, и 8 января приняли решение ввести в столицу большие контингенты войск и блокировать центр города. В конце концов более ста тысяч человек все-таки прорвались к району Зимнего дворца. В разных местах города была открыта стрельба и имелись многочисленные жертвы. Спустя два дня за подписью министра внутренних дел П. Н. Дурново и министра финансов В. Н. Коковцова было опубликовано правительственное сообщение, в котором говорилось, что во время событий 9 января было убито 96 и ранено 333 человека. Враги же трона и династии во много раз завысили количество погибших и называли "тысячи убитых". (Эти фантастические данные до сих пор встречаются в литературе.)

"Кровавое воскресенье" случилось. Было много виноватых, но было и много жертв. Царь, находившийся в Царском Селе, узнав о случившемся, горько переживал. "Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много

убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!" — записал он в дневнике 9 января. Но изменить уже ничего было нельзя. Престиж власти был серьезно поколеблен. Недовольство и возмущение охватили даже тех, кто не был замешан в антигосударственной деятельности. Как могло все это случиться? Почему власти проявили такую нераспорядительность? Как могла полиция поддерживать такого негодяя, как Гапон? Вопросы возникали, но ответы мало кого удовлетворяли. Был уволен начальник петербургской полиции, ушел в отставку министр внутренних дел, но это никого не успокоило. Радикалы всех мастей в своей беспощадной политической игре получили такую "козырную карту", о которой они еще совсем недавно и мечтать не могли.

После 9 января 1905 г. все отчетливей проявлялись признаки надвигающейся социальной бури. Недовольство стало открыто высказываться на страницах газет и журналов, на собраниях земских и городских деятелей. Учебные заведения, в первую очередь университеты, бурлили; по стране покатила волна стачек и манифестаций. И на первом месте стояло требование политических перемен, которых желали очень и очень многие. Неудачная война усугубила старые проблемы, породила новые. Вопросы реформирования системы выходили на первый план общественной жизни. В высших коридорах власти начинали это отчетливо осознавать.

В июле 1904 г. в центре Петербурга бомбой террориста был убит министр внутренних дел В. К. Плеве — человек крайне консервативных взглядов, не желавший принимать никаких новых идей и считавший, что мир и порядок в империи можно поддержать только жесткой, бескомпромиссной политикой. Подобные представления были все еще достаточно широко распространены. Но вместе с тем начинали проявляться и иные подходы, нацеленные на то, чтобы изыскать формулу взаимодействия между властью и здоровыми общественными силами в лице земско-либеральной оппозиции. В августе 1904 г. на ключевой пост министра внутренних дел был назначен бывший товарищ министра внутренних дел, бывший виленский, ковенский и гродненский

генерал-губернатор князь П. Д. Святополк-Мирский, провозгласивший политику доверия к общественным кругам. Началась "весна надежд и ожиданий".

В этот период в правящих кругах противодействовали две тенденции, два взгляда на будущее развитие. Один представляли русские традиционалисты-монархисты, сторонники неограниченной монархии, строгого единоначалия в общественной жизни, приверженцы твердой внешней и внутренней политики. К началу XX в. наиболее известными лидерами этого направления, помимо В. К. Плеве, были обер-прокурор Священного Синода К. П. Победоносцев, московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович и издатель журнала "Гражданин" князь В. П. Мещерский. И здесь неизбежно возникали (и возникают) принципиальные вопросы, в которых сфокусировано многое из того, что определило в конечном итоге трагическую судьбу России. Почему традиционные ценности, исконные институты и представления не выдержали испытания на переломном рубеже эпох? Почему русский консерватизм не стал сдерживающей преградой на пути легкомысленных общественных экспериментов и безответственного экспериментаторства?

Русский консерватизм, в отличие от консерватизма западноевропейского, принявшего в XIX в. форму разработанной и обусловленной общественной доктрины, не базировался на прагматическом и рационалистическом фундаменте. Он был консерватизмом не мысли, а чувства, опирался на историческую традицию и на православную веру. В этом было величие и беспомощность его. Любовь к России, преклонение перед ее прошлым, искренняя вера в Бога, почитание царя — вот те исходные и незыблемые постулаты, которые было очень сложно обосновать и артикулировать. Это патриархальное, традиционное русское мироощущение очень трудно, а часто и просто невозможно было защищать от нападков рационалистов и прагматиков; его нельзя было "насадить" насильственно, так как оно коренилось в глубинах души, было своего рода таинством любви.

Русские консерваторы могли быть жесткими, даже жестокими, смело

могли принимать непопулярные решения, но никогда бы не согласились на то, что не отвечало их душевным привязанностям, их личным убеждениям. Они глубоко переживали, видя неполадки в общественной жизни, досадные и просто преступные провалы во внешней и внутренней политике, но никогда не признавали, даже теоретически, возможность пересмотра основы государственности — принципа самодержавности русского царя. Они считали, что властные prerogatives монарха ни в какой форме не могут умяться никакими органами и институтами. Видя невозможность изменить ход вещей, часто ощущая собственную ненужность, многие консерваторы-традиционалисты отстранялись от активной политической деятельности, что было на руку лишь крайним силам и группам.

Но консерватизм никогда не был однородным. В его русле существовали различные оттенки и течения, некоторые из которых признавали необходимость и возможность изменений, считали допустимым проведение политических преобразований при сохранении в неприкосновенности самодержавного института. Они были уверены, что для укрепления власти нужно создать сильное единое правительство во главе с премьером, наделенное широкими полномочиями (объединенного кабинета до осени 1905 г. не существовало). Согласно этим представлениям, власти следует проводить различие между подпольными революционерами и теми общественными элементами и общественными силами, которые выступали не против системы, а лишь против произвола и мелочной регламентации общественной деятельности. К числу таких либеральных консерваторов и относился князь П. Д. Святополк-Мирский. Назначение его на этот важнейший пост, чему противились непримиримые, отражало изменение позиции императора, склонявшегося к конструктивному диалогу с умеренными оппозиционерами. 25 августа 1904 г. князь получил аудиенцию, на которой Николай II сообщил ему о принятом решении.

Новоназначенный сановник счел своим долгом откровенно высказаться о своих представлениях и взглядах. "Вы считаете меня единомышленником

с двумя предшествующими министрами; но я, наоборот, совершенно противных воззрений; несмотря на мою дружбу с Сипягиным (предшественник В. К. Плеве, убитый в 1902 г. — А. Б.), я ведь должен был уходить из товарищей министра по несогласию с политикой Сипягина. Положение вещей так обострилось, что можно считать правительство во вражде с Россией, необходимо примириться, а то скоро будет такое положение, что Россия разделится на поднадзорных и надзираемых, что тогда?" Министр дал несколько интервью газетам, встречался с представителями либеральных кругов и популяризировал свою политическую программу, узловыми пунктами которой были: веротерпимость, расширение местного самоуправления, предоставление больших прав печати, изменение политики по отношению к окраинам, разрешение рабочих сходов для обсуждения экономических вопросов. Эти заявления производили сенсацию.

Политические деятели либерального толка отнеслись к ним весьма скептически. Они были уверены, что время самодержавия подходит к концу, и не хотели связывать себя никакими обязательствами с "уходящей властью". В середине 1904 г. П. Н. Милюков на страницах нелегального журнала "Освобождение" восклицал: "Будем патриотами для себя и для будущей России, останемся верными старой „народной поговорке“: „Долой самодержавие!“ Это тоже патриотично, а заодно гарантирует от опасности оказаться в дурном обществе реакционеров".

В самый разгар "святополковой весны", в конце сентября — начале октября 1904 г., отечественные либералы, сгруппировавшиеся вокруг журнала "Освобождение", который издавался с 1902 г. под редакцией П. Б. Струве сначала в Штутгарте, а затем в Париже, инициировали в Париже проведение съезда оппозиционных партий. На нем присутствовали различные либеральные и радикальные объединения. Из наиболее заметных отсутствовала лишь РСДРП. На этом собрании были единогласно вынесены резолюции о необходимости ликвидации самодержавия, о замене его "свободным демократическим строем на основе всеобщей подачи голосов" и о праве "национального

самоопределения народностей России".

На съезде присутствовал цвет русской либеральной интеллигенции, составивший позднее костяк кадетской партии. Эти господа, борцы за свободу и демократию, сочли уместным определять политику совместных действий с крайними течениями и группами, с теми, кто запятнал себя кровавыми убийствами, например, с партией социалистов-революционеров ("эсеров"), возникшей в 1902 г. и поставившей террор против власти во главу угла своей деятельности. Уже после революции, когда все прекраснодушные мечты либеральных краснобаев развеяла грубая реальность русской жизни, некоторые из них прозрели и осознали свое преступное легкомыслие. В начале 30-х гг. в эмиграции известный кадет В. А. Маклаков, говоря о пресловутом парижском конгрессе, писал: "Со стороны либерализма это соглашение было союзом с грозящей ему самой революцией. Спасти Россию от революции могло только примирение исторической власти с либерализмом, то есть искреннее превращение самодержавия в конституционную монархию. Заключая вместо этого союз с революцией, либерализм „Освобождения“ этот исход устранял; он предпочитал служить торжеству революции".

Провозглашенная Мирским "эпоха доверия" очень скоро начала демонстрировать свою бесперспективность. Оказалось, что легко давать обещания, но очень трудно их исполнять. Собственно, сразу в центре дискуссий и обсуждений стал уже старый и такой болезненный вопрос о создании общероссийского представительного органа, о его компетенции и путях формирования. Он непосредственно замыкался на проблему незыблемости прерогатив монарха. Князь П. Д. Святополк-Мирский был убежден, что самодержавие и представительство совместимы, а многие другие в правящих кругах не разделяли этой позиции. Они опасались, что создание любого не назначенного, а выборного органа неизбежно породит неразбериху в управлении и будет способствовать параличу власти, чем непременно и воспользуются враги трона и династии. Поводов для таких опасений в конце 1904 г. становилось все больше.

Страсти накалились особенно во время и после съезда земских деятелей,

происходившего в Петербурге 7-9 ноября 1904 г. Министр внутренних дел съезд разрешил, но попросил участников заняться обсуждением "практических вопросов земской жизни". Однако в атмосфере социальной напряженности и резкой политизации всей общественной деятельности добиться регламентации было практически невозможно. Земцы вкратце обсудили некоторые свои специфические вопросы, но центр их внимания находился в русле общеполитических проблем. Было признано необходимым созвать "народное представительство", провести политическую амнистию, прекратить "административный произвол" и отменить "положения об усиленной охране" 1881 г., гарантировать неприкосновенность личности, утвердить веротерпимость. Хотя собравшиеся оставили за властью инициативу проведения преобразований и отвергли призывы некоторых участников поддержать требования созыва Учредительного собрания, но все равно состоявшееся событие было беспрецедентным. Впервые подданные царя, собравшиеся в имперской столице, не просили монарха по частным поводам, а выступили с призывом-требованием политического характера.

Наиболее вызывающим было одно, самое важное требование резолюции, "пункт десятый", гласивший, что только конституционный строй, ограничивающий самодержавную власть, может удовлетворить общественное мнение и дать России "спокойное развитие государственной жизни". Этот тезис вызвал решительные возражения умеренных участников съезда во главе с известным деятелем земско-либерального движения Д. Н. Шиповым, категорически заявившим, что не разделяет конституционных воззрений. В своей пространной речи он отстаивал старый славянофильский тезис: "Народу мнение, царю решение" — и не допускал никаких бумажных договоров и гарантий между властью и народом, считая, что их отношения зиждутся не на юридических, формальных началах, а на незыблемых началах нравственных. Эти доводы не возымели действия, и при голосовании этого пункта большинство голосов было отдано за конституцию.

Решения земского съезда вызвали значительный интерес и стали темой

оживленных обсуждений и в прессе, и в частных собраниях. Первоначально появились предположения, что депутация земцев будет принята министром внутренних дел и царем, в чем усматривали поворот власти к конституционности. Консерваторы-традиционалисты негодовали. Великий князь Сергей Александрович 10 ноября записал в дневнике: "Узнал о подробностях земского съезда в Петербурге: вотировали конституцию!! Депутация земцев принята Мирским, будет принята Государем!! (Она принята не была. — А. Б.) Несчастный человек". И далее добавил: "Мне иногда кажется, что с ума схожу" Лидеры же либерального течения расценили петербургское собрание как великий успех. Один из них, И. И. Петрункевич, позднее писал, что земский съезд стал "отправной точкой движения, приведшего Россию к первой Государственной Думе".

Власть была шокирована; удовлетворить подобные крайние требования она не могла, так как это фактически означало самоликвидацию исторической власти, но и оставить все по-прежнему не имела возможности. Затянувшаяся и неудачная война обостряла ситуацию, и надо было сделать какие-то шаги, способные разрядить обстановку. В начале декабря 1904 г. в Царском Селе прошли совещания высших должностных лиц империи, где обсуждались неотложные меры для преобразования внутреннего строя. В центре дискуссий оказалась программа, предложенная министром внутренних дел. Особое внимание участников привлек пункт о выборных представителях в составе Государственного совета (до того все члены назначались лично монархом). Большинство собравшихся высказалось против этого. Обер-прокурор Священного Синода К. П. Победоносцев именем Бога заклинал царя не ограничивать самодержавие, и эту позицию поддержали министр финансов В. Н. Коковцов, председатель Комитета министров С. Ю. Витте и большинство других. Царь вначале колебался, но вскоре однозначно выступил за сохранение незыблемости власти и заметил: "Мужик конституцию не поймет, а поймет только одно: что царю связали руки, а тогда — я вас поздравляю, господа!"

По окончании царскосельских совещаний был опубликован указ Сенату, содержащий пожелание пересмотреть положения о печати, установить веротерпимость и т.д. О выборных представителях в нем не было ничего сказано. Либералы же надеялись, что выборное начало там будет оговорено. Но власть все еще не была готова к крутым переменам. Они наступили позднее, в следующем году. В январе произошли кровавые события в Петербурге, П. Д. Святополк-Мирский был уволен в отставку. Им были недовольны все, а представители "партии власти" обвиняли его в том, что своей мягкотелостью, нерешительностью, заигрыванием с оппозицией он расшатал порядок, и в результате случилось это абсурдное и бессмысленное побоище в центре столицы. Министром был назначен бывший московский губернатор, ближайший друг великого князя Сергея Александровича А. Г. Булыгин. Чтобы смягчить ситуацию, император принял 19 января депутацию рабочих, к которым обратился с речью: "Знаю, что нелегка жизнь рабочего. Многого надо улучшить и упорядочивать, но имейте терпение". Далее, возвращаясь к событиям 9 января, он заметил, что "мятежную толпою заявлять мне о своих нуждах преступно". Эта аудиенция ни на кого не произвела особого впечатления. Страсти в стране накалялись. Зимой и весной 1905 г. начались беспорядки в деревне, сопровождавшиеся захватом, разграблением и поджогами дворянских усадеб. Начались волнения в армии. Летом произошло невероятное событие, произведшее сильное впечатление и в России, и за границей. 14 июня 1905 г. взбунтовалась команда эскадренного броненосца Черноморского флота "Князь Потемкин Таврический". Это был один из лучших кораблей флота, вступивший в строй всего лишь за год до того. Восстание вспыхнуло стихийно, хотя потом много усилий было положено на то, чтобы доказать, что руководили "революционным выступлением матросов" большевик-ленинцы. Восстание продолжалось до 25 июня, и все эти двенадцать дней и командование флотом, и военные власти, и высшая администрация в Петербурге, как и множество других лиц по всей империи, внимательно наблюдали и заинтересованно обсуждали всю

потемкинскую одиссею, закончившуюся в румынском порту Констанца сдачей корабля румынским властям.

Император был ошарашен. Ничего подобного не случалось раньше. 15 июня записал в дневнике: "Получил ошеломляющее известие из Одессы о том, что команда пришедшего туда броненосца „Князь Потемкин Таврический“ взбунтовалась, перебила офицеров и овладела судном, угрожая беспорядками в городе. Просто не верится". Но это была горькая правда. Опора монархии, "его армия", оказалась не так надежна, как еще совсем недавно казалось.

Натиск на власть все более смеловшего либерального общественного мнения не ослабевал. Общественные деятели уже открыто призывали к конституции. В мае в Москве состоялся съезд земских и городских деятелей, где призыв к конституционным преобразованиям был принят подавляющим большинством голосов. Съезд избрал делегацию, которую 6 июня 1905 г. император принял в Петергофе и которая вручила ему свои требования. Это была первая встреча самодержца с представителями либеральных кругов. К этому времени монарх уже был уверен в необходимости введения представительного органа с выборным началом. В ответ на речь главы делегации князя С. Н. Трубецкого Николай II сказал: "Я скорбел и скорблю о тех бедствиях, которые принесла России война и которые необходимо еще предвидеть, и о всех наших внутренних неурядицах. Отбросьте сомнения: Моя воля — воля Царская — созывать выборных от народа — непреклонна. Пусть установится, как было встарь, единение между Царем и всею Русью, общение между Мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам. Я надеюсь, вы будете содействовать Мне в этой работе".

Царь не лукавил. Но в кругах "образованного общества" этим словам не придавали значения. Через тридцать лет когда все участники тех бурных события "стали историей", один из главных действующих лиц, страстный противник самодержавия, известнейший либеральный деятель В. Д. Маклаков написал: "Государь сам не хотел ввести конституцию, боролся

против нее и дал ее против желанья. По натуре он реформатором не был. Все это правда. Но зато он умел уступать, даже более, чем нужно". Подобные прозрения наступили слишком поздно и ничего уже изменить в истории России не могли. Тогда же, в том приснопомытном 1905 г., подобные высказывания вызвали бы бурю возмущения и негодования соратников, а Маклакова, без сомнения, подвергли бы общественному ostracismu в собственной среде.

Конец зимы, весна и лето 1905 г. стали временем выработки новых подходов, поиска адекватных форм разрешения социальной напряженности. 18 февраля 1905 г. был опубликован царский манифест, объявлявший о намерении создать законосовещательную Государственную Думу, а 6 августа 1905 г. появился новый манифест, устанавливавший создание в России законосовещательного органа на выборной основе. Этот проект по имени министра внутренних дел получил название "Булыгинской Думы", которая должна была собраться не позднее середины января 1906 г. Выборы не были прямыми и равными, а некоторые категории населения не должны были участвовать: женщины, военнослужащие, учащиеся, рабочие. Для крестьян предполагалось установить четырехстепенные выборы, для землевладельцев и горожан, имевших имущественный ценз, — двухстепенные. На крестьян приходилось 42 % выборщиков, на землевладельцев — 34 %, а 24 % — на городских избирателей, имевших имущество стоимостью не менее 1500 рублей, а в столицах не менее 3000 рублей. Этот проект означал существенные перемены в представительных функциях власти. Либеральные круги хоть и с оговорками, но поддержали этот проект. Группы социалистической ориентации выступили с критикой, а большевики сразу призвали к бойкоту, считая Булыгинскую Думу "обманом масс". Но через несколько недель события приняли столь драматический оборот, что власти пришлось идти значительно дальше по пути уступок.

В сентябре-октябре 1905 г. Россию охватила почти всеобщая политическая стачка. События начались 19 сентября в Москве, когда

печатники объявили забастовку с экономическими требованиями. Скоро к ней присоединились представители других профессий, забастовки стали объявляться в других городах, а требования стали носить главным образом политический характер. Центральная власть оказалась неспособной противодействовать расширявшемуся хаосу и анархии, проявлявшимся повсеместно в грабежах и насилиях. В правящих кругах заговорили о диктатуре и одним из претендентов на роль диктатора называли двоюродного дядю царя великого князя Николая Николаевича (Младшего), который уклонился от этих сомнительных лавров. О царившей тогда атмосфере на самом вершине иерархической пирамиды поведал начальник канцелярии министра императорского двора генерал-лейтенант А. А. Мосолов: "Все признавали необходимость реформ, но почти никто не отдавал себе отчета в том, в чем они должны выразиться. Одни высказывались за введение либеральной конституции, другие — за создание совещательного органа, третьи — за диктатуру по назначению, а четвертые считали, что порядок и умиротворение должны быть водворены государем диктаторскими приемами".

На авансцене политического действия оказался С. Ю. Витте, только недавно вернувшийся триумфатором из Америки, где ему удалось подписать Портсмутский мирный договор с Японией. В атмосфере страхов и неопределенности многим стало казаться, что этот человек "может все". Ранее он не был сторонником выборных органов и неоднократно заявлял, что "представители и самодержавие несовместимы". С конца 1904 г. он популяризировал идею создания объединенного правительства, которое должно взять сильный и правильный курс. В самом начале 1905 г. в письме К. П. Победоносцеву С. Ю. Витте писал: "Нужно, чтобы публика знала и чувствовала, что есть правительство, которое знает, что оно хочет, и обладает волею и кулаком, чтобы заставить всех поступать согласно своему желанию. Оно должно вести публику, а не подчиняться толпе, и в особенности обезумевшей".

Осенью 1905 г. взгляды "его сиятельства" (враги присвоили ему кличку "графа Полу-Сахалинского") сильно изменились и заметно "порозовели".

Он не оставил мысль об объединенном кабинете, но уже ратовал за создание выборного представительного органа с широкими законодательными, а не только совещательными правами. Им была составлена специальная записка, представленная царю 9 октября. Это была программа срочных преобразований, основу которой составили предложения известного общественного деятеля, отставного генерала В. Д. Кузьмина-Караваева. Она предусматривала предоставление гражданских свобод, созыв народного представительства с законотворческими функциями, создание объединенного Совета министров, введение нормированного рабочего дня, государственного страхования и ряд других, более частных положений. Будучи по природе прагматиком, С. Ю. Витте понимал, что предлагаемые еще совсем недавно немыслимые уступки необходимы для спасения монархии и династии; что только таким путем можно ослабить сокрушительный натиск революции.

Он начинает доказывать императору, что полнота царской власти сохранится им при народном представительстве. Главное, по его мнению, надо было одержать тактическую и политическую победу над противником именно в настоящий момент, в данную критическую минуту, а потом все можно будет "урегулировать". "Ход исторического прогресса неумолим", — заявлял граф, обращаясь к монарху. И далее продолжал: "Идея гражданской свободы восторжествует если не путем реформы, то путем революции... Русский бунт, бессмысленный и беспощадный, все повергнет в прах. Какою выйдет Россия из беспрецедентного испытания — ум отказывается себе представить; ужасы русского бунта могут превзойти все то, что было в истории... Попытки осуществить идеалы теоретического социализма — они будут неудачны, но они будут несомненно — разрушат семью, выражение религиозного культа, собственность, все основные права. Как в пятидесятые годы правительство объявило освобождение крестьян своим лозунгом, так и в настоящий, несоизмеримо более опасный момент государственная власть не имеет выбора: ей надлежит смело и открыто стать во главе

освободительного движения... Государственная власть должна быть готова вступить на путь конституционный. Государственная власть должна искренно и явно стремиться к благу государства, а не к сохранению той или иной формы".

Император очень серьезно отнесся к доводам и аргументам С. Ю. Витте и 13 октября известил его о назначении председателем Совета министров, предлагая объединить деятельность кабинета для "восстановления порядка повсеместно". Однако граф этим не удовлетворился и проявил невероятное своеволие, заявив, что примет пост лишь при условии одобрения изложенной программы, которую советовал обсудить на совещании лиц "по усмотрению государя". Эти обсуждения состоялись в последующие дни. На них рекомендации Сергея Юльевича были одобрены, и 17 октября 1905 г. самодержец подписал манифест "Об усовершенствовании государственного порядка", текст которого был составлен главой правительства и его давним близким знакомым, членом Государственного совета князем А. Д. Оболенским. Это была важнейшая политическая декларация последнего царствования. Она содержала обещания "даровать народу незыблемые основы гражданских свобод": неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний, союзов: привлечь к выборам в Государственную Думу все слои населения; признать Думу законодательным органом, без одобрения которого ни один закон не мог вступить в силу.

Манифест 17 октября 1905 г. — переломный момент в истории России, крупнейший шаг по пути конституционной эволюции, создания правового государства. Во имя мира и благополучия страны монархическая власть отказывалась от исконных, освященных веками истории и божественным соизволением прерогатив. Под напором событий и увещеваний С. Ю. Витте, великого князя Николая Николаевича и ряда других лиц из ближайшего окружения Николай II принял новые реальности. Через два дня после манифеста, описывая происшедшее событие, император сообщал матери в Данию: "В течение этих ужасных дней я виделся с Витте постоянно, наши разговоры начинались утром и кончались вечером

при темноте. Представлялось избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами раздавить крамолу; затем была бы передышка и снова пришлось через несколько месяцев действовать силою... Другой путь — предоставление гражданских прав населению — свободы слова, печати, собраний, союзов и неприкосновенности личности. Кроме того, обязательство проводить всякий законопроект через Государственную Думу — это, в сущности, и есть конституция. Витте горячо отстаивал этот путь, говоря, что, хотя он и рискованный, тем не менее единственный в настоящий момент... Он прямо объявил, что если я хочу его назначить председателем Совета министров, то надо согласиться с его программой и не мешать действовать".

Получив большие властные полномочия, главе кабинета надлежало решить сложные задачи: создать сильную администрацию, покончить с анархией и кровавыми эксцессами, разработать серию законодательных мер по реализации положений Манифеста 17 октября. И все это в атмосфере паралича власти, паники, безответственности и финансового кризиса. Первая и самая насущная задача сводилась к наведению порядка, в установлении мирного и предсказуемого течения общественной жизни. Октябрьский манифест, как и предполагал С. Ю. Витте, внес некоторое замешательство в ряды оппозиции, умеренно-либеральные представители которой пришли к заключению, что борьба с властью выиграна. Хотя они не стали сторонниками правительства, но на некоторое время перестали выступать заодно с радикалами всех мастей, стремившихся лишь к разрушению. Лидер большевиков В. И. Ленин неистовствовал на страницах газеты "Пролетарий": "Вперед же, к новой, еще более широкой и упорной борьбе, чтобы не дать опомниться врагу!"

Восторженный энтузиазм в либеральной среде разделяли далеко не все. Один из известнейших деятелей, П. Н. Милюков, находился в момент опубликования манифеста в Москве. Здесь, в литературном кружке, по получении известия о манифесте, восторженные посетители подняли его на руки, принесли в центр ресторанной залы, поставили на стол, дали в

руки бокал шампанского и заставили произнести речь. И будущий бессменный глава кадетской партии сказал то, чего от него никто не ожидал: "Ничто не изменилось, война продолжается". Ученик известного историка В. О. Ключевского, много лет изучавший историю России, не принимал от власти никаких половинчатых уступок. Подобные деятели требовали всего и сразу: полной конституции, полных гражданских прав, всеобщего избирательного права и т.д., а пока "власть этого не дала, мы будем с ней бороться". И боролись. На банкетах в ресторанах, в своих имениях, на модных и дорогих европейских курортах, на страницах множества газет и журналов.

Но, пожалуй, самое отталкивающее в либерализме милюковского толка было то, что он, по сути дела, выступал соучастником кровавых преступлений левых радикалов-убийц. Конечно же сами эти господа рук не пачкали, но никогда и не осуждали террор, давая ему как бы моральное благословение. Однозначному осуждению подвергались лишь все силовые действия властей, когда же убивали губернатора, министра или простого городского, то голосов возмущения в либеральной среде слышно не было. В первые дни Февральской революции 1917 г., на заре "эры свободы", выступая в Таврическом дворце, П. Н. Милюков восклицал: "Мы и наши друзья слева выдвинуты революцией, армией и народом на почетное место членов первого русского общественного кабинета". Очень скоро власть перешла "к самым левым из друзей слева", и либеральным краснобаям, обезумев от страха, пришлось бежать часто просто "куда глаза глядят". Но до этого было еще далеко, еще существовало "царство самовластья" и можно было не беспокоиться за свою жизнь.

Эти "борцы за счастье народное" умели инсинуировать, произносить страстные монологи о благе России, но так и не поняли этой самой России, не поняли того, что политическое убийство всегда аморально, так и не уяснили себе, что европейские модели общественного устройства могут сработать лишь через многие годы, после реализации обширной программы экономической и социальной модернизации. Оказавшись в

эмиграции, такие деятели, как П. Н. Милюков, многие годы изворачивались, лгали и подтасовывали факты, лишь бы доказать свою историческую уместность. Даже когда бывшие соратники критиковали П. Н. Милюкова за то, что он был излишне категоричен, что он не захотел использовать существовавшие возможности, а требовал невероятного, то и тогда бывший историк винил кого угодно, но никогда — себя.

Главе объединенного кабинета не удалось договориться о деловом сотрудничестве с известными общественными деятелями либеральной ориентации, некоторым из которых он предложил министерские портфели. В их числе были: Д. Н. Шипов, М. А. Стахович, князь Е. Н. Трубецкой, А. И. Гучков, П. Н. Милюков и ряд других. Свое согласие "радетели и спасатели" обставили таким количеством условий и требований, принять которые было невозможно.

Манифест 17 октября хотя и привел к ликованию в некоторых салонно-либеральных кругах, но не погасил революционный пожар, достигший наивысшего размаха в ноябре— декабре 1905 г. Забастовки, митинги, манифестации, погромы усадеб, террористические нападения на должностных лиц, восстания в армии и флоте в эти первые недели "весны свободы" лишь множились. В середине декабря дело дошло даже до вооруженного восстания в Москве. За несколько дней до того царь принял представителей монархических организаций, которые чуть ли не в ультимативной форме потребовали от монарха отменить манифест и подтвердить незыблемость царской власти. Отвечая им, Николай II сказал: "Манифест, данный Мною 17 октября, есть полное и убежденное выражение Моей непреклонной и непреложной воли, и акт, не подлежащий изменению".

Первое время после 17 октября С. Ю. Витте находился в состоянии растерянности. Царь, предоставив главе правительства большие полномочия, ждал решений и действия, а исполнительная власть находилась в состоянии паралича. В письмах матери Николай II писал: "Вообще он (Витте) не ожидал, что ему будет так трудно на этом месте. Странно, что такой умный человек ошибся в своих расчетах на скорое

успокоение" (27 октября 1905 г.). "У меня каждую неделю раз заседает Совет министров. Говорят много, но делают мало. Все боятся действовать смело, мне приходится всегда заставлять их и самого Витте быть решительнее. Никто у нас не привык брать на себя, и все ждут приказаний, которые затем не любят исполнять" (10 ноября). Витте жаждал лавров и изъявлений восторгов, но их не было ни с чьей стороны. Он явно недооценил инерционные силы революции и не предполагал, что после манифеста вместо успокоения в стране усилятся антигосударственные выступления.

Власть сделала невероятные уступки, а результат был обратный ожидаемому. От правительства требовалось принять силовые решения, и они после некоторых колебаний были приняты. Войска для усмирения беспорядков использовались многократно. Самые кровавые события развернулись в середине декабря 1905 г. в Москве, где в течение нескольких дней шли настоящие уличные бои между левыми и войсками. Были жертвы и разрушения. События произвели на многих сильное впечатление. Резко изменились и взгляды главы кабинета, что озадачило даже царя, который, как ему казалось, хорошо знал сановника. В одном из писем матери Николай II заметил: "Витте после московских событий резко изменился; теперь он хочет всех вешать и расстреливать. Я никогда не видал такого хамелеона".

Единого взгляда, универсальной оценки Манифеста 17 октября 1905 г. не было ни тогда, когда он появился, ни позднее. Некоторые считали, что это конституционный акт и что с этого момента идет отсчет конституционной эпохи; другие, и таких было немало, были убеждены, что это лишь "фиговый листок самодержавия", только тактический маневр царизма, желавшего обмануть "народные чаяния" и продлить свое существование. При этом критики никогда не пытались выяснить, в какой мере данное преобразование отражало действительные желания верховной власти, насколько царь был искренен в своем стремлении реорганизовать систему. Деятелям типа П. Н. Милюкова, А. Ф. Керенского, как и их приверженцам, было "раз и навсегда" ясно, что

самодержавный режим не способен пойти ни на какие конструктивные изменения, что адепты его — "люди вчерашнего" дня, которым не может быть места в новой, "свободной России". Подобные умозаключения почти совпадали с убеждениями неистовых радикалов в лице большевиков и эсеров, для которых монархическая власть и олицетворявшие ее лица являлись лишь объектом поношения, мишенью, по которой надлежало стрелять, в том числе и в буквальном смысле слова.

Подпись под Манифестом 17 октября далась императору нелегко. Он долго переживал, колебался, но в конце концов принял то решение, которое не отвечало его собственным представлениям, но, как его убеждали со всех сторон, было необходимо стране, благу России. К этому последний царь всегда был очень чувствителен и мог переступить через личные взгляды во имя благополучия империи. Когда Николаи II подписывал манифест, то он не сомневался, что у власти достаточно сил для подавления "крамолы". Что бы там ни говорили и ни писали политически пристрастные современники и идеологически ангажированные исследователи, но возможности силового решения осенью 1905 г. существовали.

Царь не прибег к этому средству по причинам, о которых поведал в письме матери, с ней он был всегда абсолютно откровенен. Говоря о возможности применения жестких мер, заметил: "Но это стоило бы потоков крови и в конце концов привело бы неминуемо к теперешнему положению, т.е. авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый и реформы не могли бы осуществляться". Здесь особенно примечательны последние слова. Николай II уже не сомневался, что реформы нужны, что их непременно надлежит проводить. Речь теперь шла о том, как это сделать и кто это должен сделать.

Манифест 17 октября не был конституцией; это была декларация намерений. Власть намечала перспективу преобразований, которые надлежало проводить постепенно, в атмосфере стабильности и порядка. Перво-наперво надо было разработать законодательную основу для

выборов в Государственную думу, а также осуществить некоторые первоочередные мероприятия, обусловленные положениями манифеста и находившиеся в компетенции исполнительной власти. Была объявлена амнистия политическим заключенным, введены новые правила о печати, упразднявшие предварительную цензуру, резко сокращены размеры выкупных платежей для крестьян (с 1907 г. они вообще отменялись). В разгар московского восстания, 11 декабря 1905 г., появился закон о выборах в Государственную Думу.

Принятию последнего акта предшествовали острые дискуссии в правительственных кругах. Собственно, дебатировались два различных подхода: сделать ли выборы общими, прямыми, равными и тайными (так называемая "четырёххвостка") или остановиться на более осторожном варианте. 8 декабря 1905 г. Николай II в письме к матери заметил: "У меня на этой неделе идут очень серьезные и утомительные совещания по вопросам о выборах в Государственную Думу. Ее будущая судьба зависит от разрешения этого важнейшего вопроса. Ал. Оболенский с некоторыми лицами предлагал всеобщие выборы, но я вчера это убежденно отклонил. Бог знает, как у этих господ разыгрывается фантазия". Царь понимал то, что иные в расчет не принимали: реальные условия России, психологию народной среды.

В конце концов была утверждена пропорциональная система. Ее горячо отстаивал С. Ю. Витте, опасавшийся, как и монарх, что в крестьянской стране, где большинство населения не искушено в политическом искусстве, свободные и прямые выборы приведут к победе безответственных демагогов и в законодательном органе будут заседать по преимуществу адвокаты. В результате был сохранен сословно-куриальный принцип, заявленный еще в булыгинском проекте, и выборы становились многоступенчатыми. Всего создавалось четыре курии: землевладельческая, городская, крестьянская, рабочая. Один выборщик приходился на 90 тыс. рабочих, 30 тыс. крестьян, 4 тыс. горожан и 2 тыс. землевладельцев. Подобный выборный принцип давал очевидные преимущества состоятельным слоям населения, но, с другой стороны,

гарантировал присутствие в Государственной Думе действительных рабочих и крестьян, а не тех, кто лишь выступал от их имени. Общая численность Государственной Думы определялась в 524 депутата.

В начале 1906 г. была подготовлена новая редакция "Основных законов Российской империи", утвержденная монархом 23 апреля. Они подтверждали незыблемость самодержавия. "Императору всероссийскому, — гласила статья 4, — принадлежит верховная самодержавная власть". Последующие статьи определяли священность и неприкосновенность особы царя, его право издавать законы, руководить внешней политикой, армией, флотом, назначением высших чиновников. Но в Основных законах появился и новый момент, которого не было раньше. В статье 86 говорилось: "Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной Думы и воспринять силу закона без утверждения Государя Императора". Следующая, 87 статья позволяла монарху между сессиями законодательных палат издавать законы в форме "чрезвычайных указов". Дума имела право делать запрос различным должностным лицам, выступать с законодательной инициативой. К ее компетенции относилось утверждение бюджета, утверждение штатов и смет различных ведомств, отчетов Государственного контроля, рассмотрение вопросов, связанных с железнодорожным строительством, и т.д.

Государственный совет реформировался и принимал форму высшей законодательной палаты, половина членов которой избиралась от различных групп населения, а половина назначалась царем. Государственный совет и Государственная Дума были наделены правом законодательной инициативы. Законопроекты, не принятые обеими палатами, считались отклоненными. Законопроекты, отклоненные одной из палат, могли снова выноситься на рассмотрение только с разрешения императора.

Даже не вдаваясь в нюансы правового обеспечения законотворческого процесса, вполне очевидно, что возникшая система мало походила на сколь-нибудь развитый парламентский строй, который существовал к

тому времени в целом ряде европейских государств. Были существенно ограничены избирательные права населения, а представительный орган получал весьма скромные возможности воздействия на власть. Все это так. Об этом писали бесчисленное количество раз, и вряд ли кто рискнет с этим спорить. Но очень часто при этом игнорировалось и игнорируется одно очень важное обстоятельство: реальные условия и возможности не столько самой власти, сколько того, что было принято в марксистской историографии называть "народными массами". Готовы ли были они к восприятию широкой демократии западноевропейского образца в тот период? Любой ответ здесь в большей или меньшей степени будет носить гипотетический характер.

С учетом последующих событий отрицательный ответ кажется более обоснованным, так как и через двенадцать лет, когда состоялись в 1917 г. в нескольких десятках губерний выборы в Учредительное собрание, основная часть избирателей отдала предпочтение не "свободе", "демократии" и поддерживавшим их силам, воспитанникам европейской политической культуры, а течениям и группам, являвшимся носителем и пропагандистом социального мифа о равенстве. Господам либералам с их шампанским, севрюгой и хартиями прав и свобод удалось получить лишь какие-то считанные проценты. Нет никаких оснований сомневаться, что свободные, равные и тайные выборы в высший законодательный орган России тогда, в 1905 г., привели бы не просто к социальным потрясениям, а к крушению всего миропорядка. И в этом отношении то, что предложила власть, можно считать почти пределом, отражавшим реальные условия страны и времени. Далее начиналась не переделка государственного здания, а его слом.

Очень скоро враги трона и династии получили в своей борьбе с властью такое идеологическое оружие, о котором они только могли мечтать. Речь идет о Распутине. Об этом человеке написано невероятно много; его имя бесчисленное количество раз встречается на страницах мемуаров, дневников, романов, пьес, специальных исследовательских работ. Большой интерес к нему проявлялся всегда в зарубежных странах: образ

загадочного, темного и распутного мужика, как утверждалось, околдовавшего властителя огромной империи, вызывал (и вызывает) стойкое любопытство. Все в этом сюжете западному обывателю казалось диким, невероятным, безумным, не имевшим прецедента. Да и в нашей стране вышло немало сочинений, наполненных баснословными сказаниями на распутинскую тему. Кто умышленно лгал, кто искренне заблуждался, но почти никто не стремился спокойно, без ажиотажа и скабрёзной скандальности разобраться в истории Распутина, озарившей каким-то магически-демоническим светом заключительную главу существования монархии в России. В последние годы стали появляться и исследовательские работы, посвященные жизни Распутина, истории его взлета к вершинам власти и известности.

Что же действительно известно о Распутине и каковы были истинные масштабы его влияния? Бытующие оценки и суждения в большинстве случаев не подтверждены документальными свидетельствами. В этой теме факты сплошь и рядом заменены расхожими представлениями, формировавшимися в обществе, находившемся в истерически-апокалипсическом состоянии. Трудно найти в отечественной истории другой период, когда так часто и с такой неумолимой категоричностью случайная, а часто откровенно тенденциозная информация становилась аргументом и "бесспорным доказательством" в жесткой политической игре, приобретавшей характер беспощадной общественной борьбы. Лейб-медик Е. С. Боткин справедливо заметил однажды, что если бы действительно Распутина не было, то его "все равно непременно выдумали из кого-нибудь".

"Крестными отцами" пресловутого "Гришки-чародея" были не столько радикальные и либеральные деятели, смотревшие на происходившие события со стороны и воспринимавшие все через призму своих политических интересов и амбиций. Раздуванию антираспутинской истерики способствовали и близкие к трону лица, те, кто искренне стремился сохранить монархический режим, но под воздействием всеобщей напряженности перестал адекватно оценивать происходившее.

Коллапс власти многие представители аристократически-сановного мира не выводили из кризиса системы; они были убеждены, что дела идут не так, как хотелось, оттого, что "царь слаб", а основную причину всех неурядиц видели в самовластье "не тех людей", в засилье "темных сил" с Распутиным во главе.

Вместе с тем бесспорно, что в последние годы монархии роль этого человека была достаточно необычна: он являлся интимным другом царской семьи, с которым венценосцы общались в узком кругу часто и с радостью. Такие встречи доставляли и Николаю II и императрице Александре Федоровне душевный покой, то состояние, которое иными путями и другими общениями они получить не могли. Любая авторитарная система неизбежно порождает временщиков. В истории России достаточно подобных примеров. В самом факте появления Распутина у подножия трона не было ничего уникального. Однако фигура эта была столь необычна, что затмила всех прочих.

Как же случилось, что простой сибирский крестьянин стал желанным гостем тех, кто символизировал высшую власть в стране, охватывавшей шестую часть суши? Тому было несколько причин. Последний царь и царица являлись глубоко верующими людьми, стремившимися в своей жизни и делах поступать в соответствии с заветами Всевышнего. Но как узнать Его волю, у кого получить ответы на постоянно возникавшие вопросы? Поводырями в сложных житейских лабиринтах исстари в России служили "Божьи люди": странники, юродивые, старцы. Их советы, толкования, предсказания очень много значили для каждого истинного христианина. Особо на Руси всегда почитались старцы, опытом своей жизни постигшие бесценные христианские добродетели. (О сути старчества прекрасно написал Ф. М. Достоевский в "Братьях Карамазовых"). Старец не был ни монахом, ни священником. Это — истинный праведник, благочестивый христианин, строго соблюдавший все канонические принципы веры. Понять удивительный феномен Распутина невозможно, если рассматривать его (что в большинстве случаев и делается) вне контекста распространенных в народе

представлений о праведной жизни.

Ко времени знакомства с царской четой (в 1905 году) проповедник из Сибири, еще с конца 90-х гг. XIX в. утверждавшийся в благочестивом подвижничестве, успел очаровать и вызвать симпатию к себе некоторых видных церковных деятелей (например, проповедника Иоанна Кронштадтского), имевших и глубокую веру, и кругозор, и разносторонние занятия. Это подчеркивает достаточную неординарность личности Распутина, который сам никуда "не лез". Ему помогали ценители его, как казалось, удивительных провидческих способностей. Покровители выводили его в свет, давали наилучшие рекомендации. Ум, сила воли, крестьянская сметка и уникальная природная интуиция делали из Распутина образ сильный, яркий, производивший глубокое впечатление на многих. Он хорошо знал Священное Писание и на своем веку много странствовал, бывал в крупнейших православных центрах России, посещал Афон и Иерусалим. В нем постоянно происходила борьба, о которой он неоднократно рассказывал, между божественным и "бесовским", но с годами темные стороны натуры начинали преобладать.

Первые свидания между сибирским старцем и императорской четой не привели ни к каким последствиям. Он говорил им о любви, о смирении, о грехе и покаянии, то есть о том, что являлось важнейшими сущностными категориями христианства. В принципе такие встречи не были сами по себе из ряда вон выходящими. В русских благочестивых семьях духовно-нравственная беседа издавна была важнейшим и обязательным элементом жизни. Не составляли исключения и цари, любившие разговоры на темы Священного Писания с известными теологами, священниками и просто Божьими людьми. Однако Распутин, появившись в числе многих, стал единственным не по этим хотя важным, но не определяющим причинам. Знатоков священных текстов было много; хватало и предсказателей. Роковой цепью общей судьбы, связавшей венценосцев и крестьянина Григория Ефимовича Распутина, стала страшная болезнь (гемофилия) наследника Алексея, родившегося в 1904 г.

Известно, что Распутину действительно удавалось благоприятно воздействовать на течение болезни и предсказывать счастливый исход тогда, когда надежд на спасение маленького принца у врачей уже не было. В последние годы императрица Александра Федоровна уже безусловно уверовала в то, что "дорогой Григорий" послан ей Всевышним, что молитва и заступничество этого человека спасают царскую семью от несчастий, сулят им и стране благополучие в грядущем. Постепенно подобное убеждение стал разделять и Николай II, однако у него вера в "дорогого Григория" никогда не носила того фанатического характера, который она приобрела у Александры Федоровны. Именно царица спровоцировала ситуацию, при которой стало возможным воздействие Распутина на дела государственного управления. Именно она стала спрашивать его мнение о делах и событиях, особенно внимательно относясь к распутинским оценкам различных лиц. Императрица присвоила, как она считала, "простецу и молитвеннику" роль "эксперта по душевным качествам", которую в последние годы монархии этот человек, плохо разбиравшийся в сложных хитросплетениях сановно-придворного мира, так неудачно пытался играть.

Распутинское вмешательство истинное, но чаще мнимое служило в свое время темой оживленных пересудов; ему присваивались военные неудачи, им объясняли бессилие административной власти в стране. Однако в действительности, в отличие от распространенных суждений, влияние Распутина никогда не было беспредельным и в силу этого не могло стать фатальным. По его пьяной прихоти никогда не сменяли министров, и по распутинской рекомендации никогда в одночасье не назначались случайные лица на высшие посты. Таких возможностей у царева друга, даже в самые звездные моменты его карьеры, не было. Все назначения шли от царя, который, выслушивая мнения других, окончательные решения принимал сам. Причем очень многие из этих решений откровенно не нравились и даже пугали императрицу и ее ментора. Если Александру Федоровну действительно можно, да и то с

оговорками, назвать рупором Распутина, то Николая II считать его орудием просто нельзя.

Невзирая на сложности и конфликты, страна развивалась, экономические успехи были впечатляющими, социальные сдвиги заметными. И когда профессиональные хулители царизма постоянно только и пишут о "темном царстве", "жестокости", "коварстве", "лицемерии" последнего царя, о том, что монархическая система лишь препятствовала "прогрессу", они никогда не говорят о том, что именно в период последнего царствования Россия добилась невероятных успехов в различных областях, а русская культура заняла достойное место в ряду величайших мировых культур.

Трудно сказать, как бы развивались события в России, если бы не страшное бедствие, обрушившееся на страну, на народ, на монарха в середине 1914 г. Разразилась Первая мировая война... 15 июля 1914 г. Австро-Венгерская империя объявила войну маленькой Сербии. Россия, истари являвшаяся покровительницей славян, приступила 17 июля к мобилизации. В ответ австрийская союзница Германия объявила 19 июля (1 августа) войну России. С этого момента война стала мировой.

Это была схватка имперских амбиций. Все давно шло к такому лобовому столкновению, о котором много и часто говорили еще с весны, а уже в июне, после убийства в г. Сараево наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда, признаки надвигающейся войны стали вполне различимы: "выяснение отношений" между крупнейшими европейскими континентальными державами, Австро-Венгрией и Германией, с одной стороны, Россией, Францией и Англией — с другой, как-то само собой становилось неизбежным.

Разговоры о неизбежности войны велись уже несколько месяцев. Политическая обстановка в Европе была напряженной. Эта напряженность мало влияла на внутреннюю жизнь России: общественная ситуация оставалась относительно спокойной, экономическое положение — стабильным. Русская армия была в состоянии реорганизации, которая уже давала свои результаты. Начальник германского генерального штаба

генерал фон Мольтке писал в феврале 1914 г.: "Боевая готовность России со времени русско-японской войны сделала совершенно исключительные успехи и находится ныне на никогда еще не достигавшейся высоте".

Россия втянулась в войну, которой никто не хотел и возможность которой у многих вызывала опасения и страх. Цели ее были отвлеченными, доступными пониманию лишь ограниченного круга лиц, и призывы защитить братьев славян, отстоять престиж империи, завоевать черноморские проливы и водрузить крест на соборе Святой Софии в Константинополе (Стамбуле) вызвать глубокого отклика в народе не могли. Подавляющая часть населения даже не представляла, где находится Австро-Венгрия или Германия и почему с ними надо воевать. Русскому крестьянину были неведомы никакие Дарданеллы, и он не мог понять, почему надо за них идти на войну и смерть. Но случилось то, что случилось и чего избежать в тех условиях было невозможно.

В начале июля 1914 г. царь с семьей традиционно отдыхал на императорской яхте "Штандарт" в финских шхерах. Погода стояла жаркая, но неровная: страшная духота чередовалась с ураганными ветрами и проливными дождями. Николай II наслаждался красотами пейзажа и тихими семейными радостями, 7 июля с официальным визитом в Россию прибыл президент Французской республики Раймон Пуанкаре. Ему была устроена пышная встреча, символизирующая тесные союзнические отношения между двумя державами. Четыре дня прошли в черед переговоров, парадов, смотров, торжественных приемов и обедов. Писатель и журналист Дон-Аминадо (Шполянский) уже в эмиграции, вспоминая те дни, писал: "Все было исполнено невиданной роскоши и великолепия незабываемого. Иллюминации, фейерверки, на много верст раскинувшиеся в зеленом поле летние лагеря. Пехотные полки, мерно отбивающие шаг; кавалерия, артиллерия, конная гвардия, желтые кирасиры, синие кирасиры, казаки, осетины, черкесы в огромных папах; широкогрудые русские матросы, словно вылитые из бронзы. Музыка Гвардейского Экипажа, парадный завтрак на яхте „Александрия“.

Голубые глаза русского императора. Царица в кружевной мантилье с кружевным зонтиком в царских руках. Великие княжны, чуть-чуть угловатые, в нарядных летних шляпах с большими полями. Маленький цесаревич на руках матроса Деревенько. Великий князь Николай Николаевич, непомерно высокий, худощавый, статный, движения точные, рассчитанные, властные. А кругом министры, камергеры, свитские генералы в орденах, в лентах, и все залито золотом, золотом, золотом". И никто не мог предположить тогда, что "русская сказка" скоро кончится, что век девятнадцатый (реальный, а не календарный) близится к концу и впереди немислимые испытания, невероятные потрясения, кровь, холод, небытие. Уже с конца июня 1914 г. над головой венценосцев тучи сгущались, и одно неприятное известие сменяло другое. Сведения об убийстве эрцгерцога Фердинанда и покушение в селе Покровском на Распутина вывели из душевного равновесия Николая II и Александру Федоровну. Довольно быстро, правда, выяснилось, что Бог услышал молитвы и жизнь "друга" (так называли они в интимной переписке Григория) вне опасности. Однако на сцене мировой политики ситуация обострялась. Русский самодержец, естественно, был возмущен до глубины души злодейским покушением на австрийского престолонаследника. Он целиком разделял негодование Вены и Берлина по поводу этого акта, но не считал, что правительство Сербии виновато и что Австрия может предпринимать репрессалии против нее. И уж тем более не мог допустить разгрома и аннексии этого славянского государства. После покушения почти три недели напряженной работы русского Министерства иностранных дел и его собственная интенсивная переписка с германским императором Вильгельмом II не привели к приемлемому для всех компромиссу.

Последний император не хотел войны. После горького урока русско-японской кампании он прекрасно осознавал, что любой вооруженный конфликт неизбежно принесет страдания, лишения, смерть. В глубине души он всегда был противником насилия, а когда ему приходилось так или иначе к нему прикоснуться, то неизбежно испытывал сожаление, а

часто и раскаяние. Понимал он и то, что любая неудачная война таила в себе угрозу революционного взрыва, повторения кошмара, пережитого им и Россией в 1905-1906 гг. Знал он и то, что на пути победоносной и быстрой военной кампании много различных препятствий: начатое незадолго до того перевооружение русской армии было еще в полном разгаре. Ее техническая оснащенность и огневая мощь существенно уступали германской. Все это Николай Александрович понимал. Однако пойти на предательство, совершить, по его мнению, аморальный поступок и бросить на растерзание дружественную страну, теряя этим престиж и в России, и в мире, он не хотел и не имел права.

Безвыходность диктовала военный выбор, и он был сделан. В период резкого обострения положения в Европе, 16 (29) июля 1914 г., царь послал телеграмму германскому императору Вильгельму II, где призывал его воздействовать на австрийского союзника и не допустить трагической развязки: "В этот серьезный момент я обращаюсь к Вам за помощью. Низкая война была объявлена слабому государству. Негодование в России, вполне разделяемое мною, огромно. Я предвижу, что очень скоро я буду побежден производимыми на меня давлениями и вынужден буду принять крайние меры, которые поведут к войне. Чтобы постараться избежать такого бедствия, как Европейская война, Я прошу Вас, во имя нашей старой дружбы, сделать все, что можете, чтобы удержать Ваших союзников от дальнейших выступлений". Но в Берлине голос русского монарха услышан не был. Там уже признавали только силовые решения.

Великий князь Константин Константинович, со слов Николая II, описал события, предшествовавшие войне. "19 июля, в день святого Серафима, столь почитаемого Государем, выходя от всенощной, он узнал от графа Фредерикса (министр императорского двора. — А. Б.), с которым для скорости говорил Сазонов (министр иностранных дел. — А. Б.), что у последнего был Пурталес (посол Германии. — А. Б.) с объявлением войны России Германией. При этом Пурталес вручил Сазонову бумагу, в которой содержались оба ответа германского правительства, как на случай благоприятного, так и неблагоприятного ответа России

относительно прекращения мобилизации. Не знаю, что руководило послом, растерянность или рассеянность. И так, нам была объявлена война. Государь вызвал к себе английского посла Бьюкенена и работал с ним с 11 вечера до 1 часа ночи. Государь совершенно свободно, как сам он выразился мне, пишет по-английски; но должны были встретиться некоторые технические термины, в которых он не был уверен. Бьюкенен тяжкодум и медлителен. С ним сообщая Государь сочинил длиннейшую телеграмму английскому королю. Усталый, во 2-м часу ночи зашел он к ждавшей его Императрице выпить чаю; потом разделся, принял ванну и пошел в опочивальню. Рука его уже была на ручке двери, когда нагнал его камердинер Тетерятников с телеграммой. Она была от императора Вильгельма: он еще раз (уже сам объявив нам войну) взывал к миролюбию Государя, прося о прекращении военных действий. Ответа ему не последовало".

Во главе армии был поставлен двоюродный дядя царя великий князь Николай Николаевич (внук Николая I), давно причастный к военному делу: в 1895-1905 гг. состоял генерал-инспектором кавалерии, с 1905 г. по 1908 г. возглавлял Совет обороны, а затем стал командующим войсками гвардии и Петербургского военного округа. Этот Романов был хорошо известен в войсках, пользовался в офицерской среде авторитетом, что и определило его назначение на пост главнокомандующего всеми вооруженными силами России.

Германия, объявив 19 июля (1 августа) войну России, на следующий день оккупировала Люксембург, а 21 июля объявила войну Франции. 22 июля германская армия начала крупномасштабные военные действия, вторгнувшись в Бельгию, нейтралитет которой германский канцлер Бетман-Гольвег назвал "клочком бумаги". В тот же день Великобритания объявила войну Германии, вслед за тем войну рейху объявили английские доминионы: Австралия, Новая Зеландия, Канада, Южно-Африканский союз. Уже в 1914 г. на стороне Антанты в нее вступили Япония и Египет, а на стороне центральных держав — Болгария и Турция. Всего в войне участвовало 33 государства.

Общая численность боевых частей в августе 1914 г. составляла: в России около 2500 тыс., во Франции — 2689 тыс., в Германии-2147 тыс, в Австро-Венгрии-1412 тыс., в Англии — 567 тыс. На вооружении стран Антанты к началу войны находилось около 14 тыс. артиллерийских орудий, 412 самолетов, а у центральных держав — 14 тыс. орудий и 232 самолета.

Война изменила облик России, уклад жизни всех людей, в том числе и императорской семьи. Все теперь должно было работать на победу. Для Николая II, Александры Федоровны и их детей служить России было обязанностью, ради которой они готовы были отказаться от многих приятных привычек семейного времяпрепровождения. За победу они молились, к ней были направлены все их помыслы. В первый день войны, 20 июля 1914 г., принимая в Зимнем дворце высших чинов империи, император обратился к ним со словами: "Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей". Этой клятве Николай II сохранял верность все месяцы войны и, вопреки циркулировавшим слухам, всегда оставался резким противником каких-либо сепаратных переговоров с неприятелем. Императрица Александра Федоровна, будучи наполовину немкой, никаких прогерманских настроений не имела, хотя в Германии у нее осталось несколько близких родственников. По поводу же ее германофильства было высказано много предположений, но никаких фактов в пользу этого никогда не приводилось. Но именно слухи о предательстве царицы очень способствовали распространению антиромановских настроений в стране и в армии.

В первые месяцы войны порочащих власть слухов слышно не было. Всех объединил единый патриотический порыв. В стране проходили спонтанные манифестации. Многотысячные толпы в разных городах России несли русские национальные знамена, портреты Николая II, цесаревича Алексея, великого князя Николая Николаевича, иконы. Звучали колокола, служились молебны, а русский национальный гимн "Боже, Царя храни!" исполнялся почти непрерывно и на улицах, и во

всех собраниях. Почти вся печать заговорила о единстве нации перед лицом германской угрозы.

Хотя главой кабинета с конца января 1914 г. (после отставки В. Н. Коковцова) был старый бюрократ И. Л. Горемыкин, так нелюбимый большинством общественных фракций и партий, видевших в нем неисправимого представителя сановного мира, но после начала войны он на какое-то время перестал быть мишенью для критических стрел. Когда 26 июля открылась чрезвычайная сессия Государственной Думы и Государственного совета, то единение представительных и законодательных органов было полным. Государственная Дума без колебаний приняла все кредиты и законопроекты, связанные с ведением войны. Патриотическое настроение высказывали даже представители левых кругов, а признанный авторитет социал-демократии Г. В. Плеханов однозначно призвал к борьбе против "германского милитаризма". Лишь небольшая группа большевиков придерживалась иного взгляда, ратуя "за превращение войны империалистической в войну гражданскую".

В романовской семье все понимали, что главные тяготы суровых военных испытаний несет император. Он оставался верховным правителем в стране, вступившей в жесточайшую военную схватку. Экономическая, общественная, административная стороны жизни огромной империи начинали переставаться, исходя из условий и потребностей времени. Приходилось спешно решать множество вопросов самого различного характера. Царь всегда проявлял особый интерес к военным проблемам, а после 19 июля (1 августа) этот интерес стал всепоглощающим, и положение на двух основных фронтах — Северо-Западном (против Германии) и Юго-Западном (против Австро-Венгрии), к концу года открылся еще и Кавказский фронт — против Турции, — было все время в поле его зрения.

Военная кампания началась блестящим прорывом русских войск в Восточной Пруссии, но хорошо начатое наступление через две недели закончилось разгромом. Николай II записал в дневнике 18 августа: "Получил тяжелое известие из 2 армии, что германцы обрушились с

подавляющими силами на 13-й и 15-й корпуса и обстрелом тяжелой артиллерии почти уничтожили их. Генерал Самсонов (Александр Васильевич, генерал от кавалерии, командующий армией. — А. Б.) и многие другие погибли". Император глубоко переживал самсоновскую катастрофу и, как позднее признался, тогда впервые ощутил "свое старое сердце".

На Галицийском направлении против Австро-Венгрии дела разворачивались значительно успешней. Русская армия заняла крупнейшие города — Львов и Галич и осенью 1914 г. стала хозяйкой положения в этом районе. Однако вскоре на помощь австрийцам подошли германские силы, несколько потеснившие русскую армию. В конце 1914 г. на фронтах установилось позиционное затишье. Стало ясно, что первоначальные предположения о скором окончании войны, о том, что "будем встречать Рождество в Берлине", так и остались лишь мечтами. Приходилось готовиться к длительному и изнурительному противостоянию. В тылу оживились и стали вновь набирать силу противоправительственные силы и настроения, угасшие было в первые месяцы войны. Исчезновение надежд на скорое победоносное завершение военной кампании способствовало возрождению с новой силой старых распрей и противоречий. И события весны и лета 1915 г. дали им мощный толчок.

В 1915 г. на театре военных действий разворачивались важные события. Весной начались успешные операции русской армии на Юго-Западном фронте, и к марту австрийская армия потерпела серьезные поражения и вновь уступила всю Галицию. Возникла реальная вероятность скорого выхода Австро-Венгрии из войны. Германия, стремясь предотвратить подобное развитие событий и воспользовавшись затишьем на Западном фронте, бросила против России большие военные силы, оснащенные мощной артиллерией. Весной и летом 1915 г. русская армия приняла участие в ряде кровопролитных сражений, понесла огромные потери в силу недостаточного обеспечения боеприпасами и современным вооружением, особенно артиллерией. С конца апреля события на

фронтах развивались не в пользу России, хотя в сражениях были задействованы лучшие войска, в том числе цвет армии и опора монархии — гвардейские части.

Император был удручен. Положение ухудшалось, а надежда на скорое окончание войны исчезала. Оставалась лишь надежда на милость Всевышнего, и 21 июня он писал матери: "И Ты и Мы все здесь живем, очевидно, одними чувствами, одними мыслями. Больно отдавать то, что было взято с таким трудом и огромными потерями в прошлом году. Теперь к германцам и австрийцам подошли подкрепления, но и нашим войскам также посланы свежие корпуса, в том числе и гвардейский; так что надо ожидать скоро большое сражение. Помог бы Господь нашим героям остановить их! Все от Бога, потому надо верить в Его милость".

Натиск "проклятых тевтонов" вынудил русскую армию отойти на восток, оставив Галицию, Польшу и некоторые другие районы. Пришлось срочно эвакуировать и Ставку главнокомандующего из Барановичей. Она была перенесена в августе в город Могилев. События лета 1915 г. походили на огромную военную катастрофу, и командование было на какое-то время просто деморализовано. Еще в мае, когда только разворачивалось наступление немцев, Николай II приехал в Ставку и застал там картину полного уныния. "Бедный Н. (великий князь Николай Николаевич. — А. Б.), рассказывая мне все это, плакал в моем кабинете и даже спросил меня, не думаю ли я заменить его более способным человеком".

Общественные деятели всех политических направлений, оправившись от первого шока неожиданных поражений, негодовали. Как могло случиться, что у армии нет достаточного количества боеприпасов и артиллерии? Почему уроки кампании 1914 г. не пошли впрок? И конечно же постоянно звучал традиционный русский вопрос: кто виноват? Требовали назвать конкретного виновного, и он был назван: военный министр В. А. Сухомлинов. Занимая эту должность с 1909 г., он неоднократно публично заверял, что русская армия готова ко всем возможным испытаниям. Все как-то сразу поверили, что этот человек повинен в преступной халатности, лихоимстве, а затем зазвучали голоса

о государственной измене. Министр был отрешен от должности 13 июня 1915 г.

Однако отставка непопулярного министра никого не удовлетворила. Особенно активизировались либеральные деятели кадетского толка, которые в первые месяцы войны скрепя сердце умили свои нападки на власть, так как время заставляло консолидировать усилия. Поражения армии в конце весны — начале лета 1915 г. вывели их из состояния оцепенения и предоставили прекрасную возможность "подать себя" в традиционной роли спасителей России. Они увидели, что режим ослаб и заколебался, а значит, наступило их время. Старые деятели потеряли свое лицо, и, конечно, кто же должен вести страну, стоящую на краю пропасти? Только те, кто произнес так много красивых слов о величии России и о благе народа! Уже в мае некоторые органы прессы высказались за создание Кабинета национальной обороны. В качестве возможных кандидатов на министерские посты назывались многие политические деятели, но особенно часто фигурировали имена лидеров двух крупнейших партий — П. Н. Милюкова и А. И. Гучкова. Звучало также требование срочно созвать Государственную Думу (последняя краткосрочная сессия, утвердившая бюджет, была в январе).

Но волновались и выражали свое беспокойство не только либеральные деятели; эти чувства сделались всеобщими. Следовало предпринять действия, способные мобилизовать страну для отпора врагу, и довести войну до победного конца.

10 июня 1915 г. царь выехал в Ставку, где провел серию совещаний с генералитетом и министрами, придя к заключению о необходимости обновления высшей администрации. Были уволены в отставку несколько влиятельных министров, известных своей правой ориентацией: министр юстиции И. Г. Щегловитов, министр внутренних дел Н. А. Маклаков и обер-прокурор Священного Синода В. К. Саблер. Все эти меры носили паллиативный характер и ничего принципиально решить не могли. К тому же во главе кабинета остался старый царедворец И. Л. Горемыкин, пользовавшийся большим расположением в царской семье за свою

преданность и опыт, но вызывавший стойкое неприятие многих политических фракций. Общественные деятели, приветствуя некоторые назначения, находили их недостаточными и выступали за создание ответственного перед Думой министерства. С лета 1915 г. этот лозунг стал главнейшим для ведущих политических деятелей и объединений. В августе несколько думских и окоلودумских общественных групп объединились в так называемый "Прогрессивный блок", центром которого стала партия кадетов. Их центральным требованием стало создание Кабинета общественного доверия.

Осуществляя перестановки должностных лиц и соглашаясь на открытие Государственной Думы, Николай II понимал, что эти шаги мало кого удовлетворяют. Думская трибуна давно стала местом поношения высших сановников и почти всех аспектов государственной политики. А уж сколько оттуда несло на всю страну нападок на Распутина и прозрачных оскорбительных намеков на его связи с царской семьей! Император все это понимал, но хотел сделать примирительный шаг. Однако принять требование ответственного не перед монархом министерства он не мог, чувствуя, что подобная мера будет началом конца самодержавия, той силы, которая являлась всегда основой империи и государственности. Не для того он надел корону и давал коронационную клятву, чтобы разрушить дело своих предков.

Лето 1915 г. — время многих окончательных решений Николая II, время бесповоротного избрания им своей судьбы. Груз проблем нарастал, а изменений к лучшему не происходило. Страну все явственней охватывала волна общественного недовольства. Критические оценки и суждения о положении дел в стране делались как бы общепринятыми; их уже высказывали не только представители думской фронды, но и простые подданные. Эти разговоры и настроения подогревали не только собственные военные неудачи, слухи о "засилье темных сил", но и усугублявшиеся экономические трудности: нехватка сырья и энергии, свертывание производства в ряде отраслей, инфляция, рост дороговизны, расстройство транспорта. Император надеялся на

поддержку со стороны общественных деятелей, но поддержки не получил.

Николай II не сомневался, что серьезные реформы, начатые за десять лет до того, надо продолжать и углублять. Но в то же время он был уверен, что проводить их во время войны — безумие!

Он видел, что война обострила все старые проблемы и постоянно рождала новые, срок ее окончания постоянно отодвигался, а с лета 1915 г. стал вообще неразличим. Он постоянно думал о том, что же предпринять, чтобы переломить ход событий и добиться победоносного мира. В конце концов он пришел к решению возглавить руководство армией. Смысл этого поступка был довольно простым и объяснялся традиционными представлениями о безграничной любви народа к царю. Казалось, что если во главе войск встанет помазанник Божий, то простые солдаты, воодушевленные его предводительством, воспрянут духом и сокрушат врага.

Сам факт принятия командования в столь сложное время говорит о большом личном мужестве Николая II, подтверждает его преданность монаршему долгу. Последний император всегда считал, что в дни военных испытаний обязан находиться рядом с армией. Еще в разгар русско-японской войны, в сентябре 1904 г., он писал матери: "Меня по временам сильно мучает совесть, что я сижу здесь, а не нахожусь там, чтобы делить страдания, лишения и трудности похода вместе с армией. Вчера я спросил дядю Алексея, что он думает? Он мне ответил, что не находит мое присутствие там нужным в эту войну. А здесь оставаться в такое время гораздо тяжелее!" Тогда осуществить намерение не удалось. Но вот теперь, "в эту войну", когда опасность еще более велика, жребий был брошен. Император приступил к новым обязанностям. 23 августа 1915 г. был опубликован приказ по армии и флоту, в котором говорилось: "Сего числа я принял на себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий. С твердой верою в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш священный долг

защиты Родины до конца и не посрамям земли русской". Ему оставалось править полтора года, и большую часть этого времени он провел в Могилеве.

В первой телеграмме из Ставки Николай II сообщал Александре Федоровне: "Благодарю за вести. Свидание сошло удивительно хорошо и просто. Он уезжает послезавтра, но смена состоялась уже сегодня. Теперь все сделано. Нежно целую тебя и детей. Ники". Расставание с великим князем Николаем Николаевичем выглядело вполне корректно, и окружающие были удивлены самообладанием обоих, хотя некоторая неловкость положения ощущалась. Бывший главнокомандующий великий князь Николай Николаевич с группой офицеров вскоре отбыл к месту нового назначения: он сменял на посту наместника Кавказа и командующего Кавказской армией престарелого графа И. И. Воронцова-Дашкова.

Царь обживался на новом месте. Вставал он обычно около восьми часов. После утреннего туалета и легкого завтрака шел в штаб, где принимал доклады, продолжавшиеся полтора — два часа. Затем был завтрак, после которого опять были доклады и совещания. Во второй половине дня, ближе к вечеру, Николай II обязательно или совершал прогулку в парке рядом со Ставкой, или выезжал за город. Затем опять были доклады, приемы министров и иных лиц. В программу вечернего времяпрепровождения обязательно входило чтение, которому царь уделял время перед сном. Текущую оперативную работу в Ставке осуществлял генерал М. В. Алексеев, которого царь заслуженно считал крупным военным авторитетом. Выпускник Николаевской академии Генерального штаба, он посвящал все свое время разработке планов военных операций. Маленький заштатный Могилев стал на несколько месяцев главным центром страны, ее армии и тыла. Со второй половины 1915 г. положение на основных фронтах стабилизировалось, однако в тылу ситуация ухудшалась.

К 1916 г. патриотические восторги уже были позади и в обществе царило глухое брожение, прорывавшееся наружу в повседневных

разговорах о шпионах и предательстве. Но кто же мог быть виноват во всех бедах и неудачах? Конечно же только агенты Германии, засевшие на ключевых постах в государстве и стремившиеся погубить Россию! В разных кругах общества постоянно говорили о шпионах, и многие верили в их страшную и роковую силу. Под подозрение попадали профессора университетов, министры, генералы и даже члены правящей династии, особенно императрица Александра Федоровна. Распутин же вообще порой изображали главой некой шпионской шайки. Государственная администрация все больше и больше погружалась в состояние оцепенения. Последний царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов, говоря о заключительном периоде существования монархии, заметил: "Всюду было будто бы начальство, которое распоряжалось, и этого начальства было много, но общей воли, плана, системы не было и быть не могло при общей розни среди исполнительной власти и при отсутствии законодательной работы и действительного контроля за работой министров".

В начале 1916 г. на посту премьера И. Г. Горемыкина сменил Б. В. Штюрмер, бывший ранее губернатором в Новгороде и Ярославле, а затем занимавший много лет пост директора Департамента общих дел Министерства внутренних дел. Вслед за этим была назначена сессия Государственной Думы, на которой 9 февраля 1916 г. в первый и последний раз перед депутатами в Таврическом дворце выступил с кратким обращением император. Он призвал думцев к совместной работе на благо отечества, и эти слова были встречены громом аплодисментов. Царь был удовлетворен и записал в дневнике: "удачный и оригинальный день". Овации в Думе отгремели, и все осталось по-старому: Николай II в Ставке в кругу военно-политических проблем, Александра Федоровна в царском Селе со своими страхами, сомнениями и "дорогим Григорием", а общественные деятели в своих гостиных и салонах продолжали распалать собственное воображение разговорами о "темных силах" и грядущих потрясениях, утверждая, что положение может спасти лишь "министерство общественного доверия".

Но был еще один, молчавший до поры, грозный и могучий мир, о котором все знали, от имени которого управляли и выступали. Эта страна с многомиллионным населением, Россия деревень, фабрик и заводов, в недрах которой черпались силы для ведения войны. Миллионы солдат, главным образом бывших крестьян, были брошены на фронт и разметаны на огромных пространствах от Балтийского моря до Закавказья. К концу 1916 г. общее число мобилизованных достигало почти 13 млн. человек. Оторванные от привычного уклада жизни, загнанные в сырые окопы и холодные землянки, они мучились и погибали за цели, которые были от них весьма далеки. Многие из них почитали Бога и Царя, знали урядника в своем уезде, земского начальника, может быть, губернатора, но ни о каких "радетелях" и "спасателях" слыхом не слыхивали, да и мало интересовались "забавами господ". Постепенно эти миллионы превращались в огромную асоциальную массу, где зрели страшные "зерна гнева", давшие такие разрушительные плоды в 1917-м и последующих годах.

Разговоры о предательстве высших должностных лиц проникали на фронт, вызывали возмущение и вражду ко всем "столичным сытым хлыщам". Ненависть умело подогревали различные группировки, особенно радикально-социалистической ориентации, популяризовавшие мысль о насильственном свержении существующего строя. Либеральные же политики идею о насильственной акции в общем-то так и не приняли, хотя своими нападками и откровенными инсинуациями способствовали разрушению традиционного миропорядка. В последний период существования монархии власть предоставила массу поводов для ярких и эффектных выступлений против себя. Совет министров больше походил на героев крыловской басни о лебеде, раке и щуке, чем на центральный административно-координирующий орган. Чуть не каждый министр вел "свою линию", интригуя против других, а некоторые искали популярности в либеральной среде, согласовывали там свою деятельность, хотя клятвенно обязались служить государю.

Все шло как шло, и развязка приближалась. В ночь с 16 на 17 декабря

1916 г. во дворце Юсуповых на Мойке в Петрограде был убит Григорий Распутин, и эта весть вызвала радость во многих кругах. Некоторым показалось, что черные дни миновали, что теперь наконец-то все пойдет наилучшим образом. Но это была лишь краткосрочная иллюзия. Накануне наступления нового, 1917 г. Николай II, находившийся в Царском Селе, пошел со своими близкими в церковь, где горячо молился, чтобы "Господь умилился над Россией". Ему оставалось править два месяца, и его судьба, судьба династии и России определились в течение нескольких дней конца февраля — начала марта 1917 года.

27 февраля 1917 года Николай II в Могилеве получил верные сведения из Петрограда о происходивших там серьезных беспорядках, начавшихся еще 23 числа. Толпы расквартированных в столице солдат из запасных батальонов вместе с примкнувшими к ним группами гражданских лиц ходили с красными флагами по главным улицам, громили полицейские участки, грабили магазины, вступали в стычки с верными войсками. Положение становилось критическим. Власть правительства в столице была парализована. Надо было принимать срочные меры для водворения порядка.

Весь день чины свиты и служащие Ставки шепотом обсуждали события в столице, принимавшие драматический оборот. Любимец государя, его флаг-капитан адмирал К. Д. Нилов повторял: "Все будем висеть на фонарях, у нас будет такая революция, какой еще нигде не было". Многие считали это неудачным зубоскальством, но никто не возражал. Все понимали, что нужно что-то предпринимать, но что именно — никто толком не знал. Кто с надеждой, а кто с безысходностью ждали решений от императора. Никто из императорской свиты, из числа этих осыпанных милостями и почестями людей, не нашел в себе мужества и решимости бросить вызов надвигающейся катастрофе и стать опорой угасавшей царской власти. С утверждением, что следует водворить порядок в Петрограде, не спорили. Здесь было полное согласие. Но как этого добиться — мнения расходились. Некоторые полагали, что следует послать верные части для восстановления спокойствия силой; другие же,

а таких с каждым часом становилось все больше, склонялись к мысли о необходимости пойти на уступки Думе и согласиться на создание правительства по ее усмотрению. Надежда, что создание кабинета из общественных деятелей, которого требовал в своей телеграмме в Ставку Родзянко, положит конец смуте, рождала осторожный оптимизм. Они еще не ведали, что смерч русского бунта, бессмысленного и беспощадного, нельзя этим остановить.

В 8 часов вечера 27 февраля 1917 г. начался последний царский обед в Ставке. Император появился за несколько минут до назначенного времени. На нем — рубаха защитного цвета, лицо — серое, настроение подавленное. В полном молчании обошел присутствующих и пригласил всех к столу. Рядом с ним находился герой военной кампании в Галиции, известный боевой генерал Н. И. Иванов. Сама трапеза мало кого занимала. Все прислушивались к разговору Николая II с Ивановым. Как всегда, первым встал из-за стола император, сделав общий поклон, удалился в свой кабинет. Стали расходиться и остальные. Генерал Иванов остановил нескольких членов Ставки и сообщил им, что государь распорядился отправиться ему с батальоном Георгиевских кавалеров и некоторыми другими частями в Царское Село, а затем — в Петроград для восстановления порядка. Отбыть он должен был сегодня же ночью. Вскоре стало известно, что императором послана телеграмма М. В. Родзянко с согласием на создание ответственного министерства и отдано распоряжение о подготовке к отъезду. После полуночи Николай II перебрался в поезд, отбывший в 5 часов утра 28 февраля из Могилева в Петроград.

Маршрут пролегал через Смоленск-Лихославль-Тосно на Царское. В Вязьме были после полудня, и царь послал телеграмму жене: "Мысленно постоянно с тобою. Дивная погода. Надеюсь, что вы себя хорошо чувствуете. Много войск послано с фронта. Сердечнейший привет. Ники". В Лихославль прибыли вечером, и здесь получил весточку от Аликс о том, что у них все спокойно. В 21 час 27 минут телеграфировал в Царское: "Благодарю за известие. Рад, что у вас благополучно. Завтра утром

надеюсь быть дома. Обнимаю тебя и детей, храни Господь. Ники". На всех станциях царило полное спокойствие и порядок. Раскаты петроградской грозы не докатились еще до глубины России. Царь со всеми был ровен, сдержан и ничем не выдавал своих глубоких внутренних переживаний. Он непрестанно думал о своих близких, о судьбе России и династии.

Около двух часов ночи 1 марта царский поезд прибыл на станцию Малая Вишера. До Петрограда оставалось около двухсот верст. Здесь стало известно о неожиданных затруднениях. Выяснилось, что все станции по пути следования заняты революционными войсками. Двигаться дальше было невозможно. Только здесь стало окончательно ясно, что противоправительственные выступления приняли широкий размах и что российский монарх уже не может беспрепятственно двигаться по своей стране. После обсуждения ситуации было решено изменить маршрут. Окружение убедило Николая II в необходимости ехать в Псков, в штаб Северного фронта, где было много надежных войск под командованием генерала Н. В. Рузского. После нескольких часов стояния в Малой Вишере императорский поезд двинулся в западном направлении. В середине дня прибыли в Старую Руссу. На станции собралась огромная толпа народа, желавшая видеть царя. Когда он появился в окне вагона, все сняли шапки, многие встали на колени и крестились. Такое восторженное отношение к императору не имело ничего общего с тем, что происходило в Петрограде.

В столице же власти царя уже не существовало. Временный комитет Государственной Думы был преобразован во Временное правительство, в состав которого вошли давние недоброжелатели Николая II: П. Н. Милюков, А. И. Гучков и откровеннейший враг трона и династии социалист А. Ф. Керенский. На улицах царило радостное возбуждение. Торжествовал красный цвет флагов и наскоро намалеванных транспарантов, на которых преобладал один лозунг: "Долой самодержавие!" Никто уже не работал, и казалось, что чуть ли не все жители трехмиллионного города вышли на улицу в уверенности, что

черные дни миновали, что теперь начнется новая, светлая жизнь без горестей и печалей. Восторги принимали порой характер истерии. Толпы солдат, матросов, студентов, рабочих, низших служащих стекались к резиденции Государственной Думы — Таврическому дворцу, у парадных дверей которого происходил нескончаемый митинг. Ораторы сменяли один другого. Особенно воодушевило собравшихся выступление нового министра юстиции А. Ф. Керенского, заклеившего старую власть и провозгласившего наступление эры мира и благоденствия в России. Дамы и курсистки из публики бросали к его ногам первые весенние цветы, с несколькими из них сделался обморок.

Новой власти стали присягать воинские части, и почти никто уже не сомневался, что со старым режимом покончено раз и навсегда. Удивление и восторг собравшихся вызвало появление кузена Николая II, великого князя Кирилла Владимировича, который с красным бантом на груди привел свой Гвардейский экипаж и встал на сторону победителей. Со всех концов города стали привозить арестованных царевых слуг и наиболее заметных помещали в министерском павильоне Таврического дворца. К вечеру 1 марта здесь находился цвет сановной иерархии, люди, совсем еще недавно обитавшие на недостижимой высоте: бывшие премьеры И. Л. Горемыкин и Б. В. Штюрмер, председатель Государственного совета И. Г. Щегловитов, обер-прокурор Священного Синода В. К. Саблер.

Долой предателей! Долой тиранов! Да здравствует свобода! Казалось, что даже холодный мартовский воздух стал горячее от всеобщего ликования и радостных надежд. Как-то разом опустели церкви, и быстро входило в моду новое слово "товарищ". Но всех, особенно новых правителей, занимал один вопрос: где царь, что он делает? Под напором всеобщей эйфории быстро возобладало убеждение, что "этот деспот", "этот изменник" и "его жена-немка" должны быть отлучены от власти. Им не может быть предоставлено никакой роли в новой, свободной России. Слухи опережали официальную информацию властей, и события сменялись так быстро, что сообщения экстренных выпусков столичных

газет устаревали еще в типографиях.

Совершенно неожиданно для думцев, как-то сам собой возник Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, сразу ставший центром крайних требований и лозунгов. Председатель Думы М. В. Родзянко, самоуверенный и поднаторевший в думских прениях деятель, отправился туда и перед расхристанными солдатами и какими-то "штафирками" произнес страстную патриотическую речь, призывая к единению, к согласию всех элементов общества для защиты русской земли. Ему хлопали, но затем все испортил какой-то "собачий депутат", выступивший следом: "Товарищи! Господин Родзянко говорит о том, чтобы мы русскую землю спасали. Так это понятно. У господина Родзянко есть что спасать. Не малый кусочек у него этой земли в Екатеринославской губернии, да какой земли! Так что Родзянко и другим помещикам из Государственной Думы есть что спасать. А будете ли вы спасать ее, если земля из помещичьей станет нашей?" "Какой мерзавец! — негодовал Михаил Владимирович. — И особо возмутительно, что этому негодяю устроили овацию!"

Надо немедленно укреплять власть и для всеобщего успокоения добиться отречения императора в пользу своего сына. Должна существовать преемственность власти, и если на престоле окажется чистый и конечно же не запятанный никакими политическими делами мальчик, то русские сердца смягчатся, и можно будет следовать ответственному правительственному курсу. Родзянко обсудил план с некоторыми известными депутатами Думы, разделявшими эти взгляды. Уже 1 марта, вечером, возникла идея ехать на встречу с царем и уговорить его согласиться на отречение. Замысел решили не разглашать, обставить все скрытно, чтобы какие-нибудь непредвиденные обстоятельства не нарушили его. Постановили, что поедет сам Родзянко, депутат В. В. Шульгин и член Государственного совета А. И. Гучков, человек, широко известный в России своей резкой критикой старой власти. Позже все-таки возобладало мнение, что Родзянко лучше остаться в Питере и держать под контролем события. Депутация не была

уверена в благоприятном исходе своей миссии, но решили не возвращаться без достижения согласия. Уже в полной темноте, около восьми часов вечера 1 марта, царский поезд подошел к станции Псков. На платформе было немного народа, оживления не отмечалось. Встречал губернатор, представители местной администрации, несколько офицеров и прибывшие ранее чины свиты. Царь принял в вагоне губернатора. В это время на платформе появилась согбенная фигура генерала Н. В. Рузского в сопровождении начальника штаба и адъютанта. В ожидании приема он разговорился с несколькими свитскими, обратившимися к нему с призывом помочь государю в этот трудный час. Ответ старого генерала поверг всех в ужас. Он не только не высказал желания следовать долгу и присяге, но прямо заявил, что "теперь надо сдаться на милость победителя". Затем он был проведен в вагон императора. Царь пригласил генерала к обеду, во время которого задал несколько вопросов о положении на Северном фронте и в Петрограде и со своей стороны сообщил, что ожидает приезда Родзянко, от которого надеется получить подробные сведения о событиях в столице. Рузский попросил об аудиенции, и монарх пригласил его к себе через час.

Их встреча затянулась далеко за полночь. Эти несколько часов беседы императора с командующим Северным фронтом, телефонных и телеграфных переговоров с Родзянко и начальником Верховного главнокомандующего в Могилеве генералом М. А. Алексеевым оказались переломными. На осторожный намек Рузского, что необходимо было еще раньше согласиться на правительство общественных деятелей, Николай II, явно волнуясь, заметил: "Для себя и своих интересов я ничего не желаю, ни за что не держусь, но считаю себя не в праве передать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред России, а завтра умоют руки, подав в отставку. Я ответственен перед Богом и Россией, и все, что случилось и случится, будут ли министры ответственны перед Думой или нет — безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делают министры не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что

это не моих рук дело, не моя ответственность".

Рузский призывал его принять формулу: государь царствует, а правительство управляет, на что Николай Александрович возразил, что ему эта формула непонятна, что надо было получить другое воспитание и переродиться, что он "не держится за власть, но только не может принять решение против своей совести, и, сложив с себя ответственность за течение дел перед людьми, не может сложить с себя ответственность перед Богом. Те люди, которые войдут в первый общественный кабинет, люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не справятся со своей задачей".

В конце концов Рузский уговорил царя, во имя блага России и своего сына, пойти на компромисс с совестью. В 0 часов 20 минут 2 марта генералу Иванову, эшелоны с войсками которого находились уже в Царском Селе, была послана телеграмма: "Надеюсь, прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать. Николай". В три часа ночи генерал Рузский связался по телефону с Родзянко. Разговор длился долго, более двух часов. Председатель Думы произнес много слов о важности происходящего, о трагизме положения и недвусмысленно дал понять, что общее настроение склоняется в пользу отречения императора. Разговор Рузского с Родзянко был передан в Ставку генералу М. В. Алексееву, который выразил мнение, что "выбора нет" и отречение должно состояться. Из Ставки были посланы срочные телеграммы командующим фронтами, где говорилось, что для спасения России от анархии необходимо отречение императора в пользу своего сына. Командующих призывали высказать свое мнение. К полудню 2 марта стали приходиться ответы: от командующего Юго-Западным фронтом генерала А. А. Брусилова, от командующего Западным фронтом генерала А. Е. Эверта, от командующего Кавказским фронтом, двоюродного дяди Николая II и бывшего Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Все призывали царя принести жертву на алтарь отечества и отречься. В послании последнего говорилось: "Я, как верноподданный,

считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего наследника, зная чувства святой любви Вашей к России и к нему. Осенив себя крестным знаменем, передайте ему Ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячей молитвою молю Бога подкрепить и направить Вас".

Телеграмма от командующего Румынским фронтом генерала В. В. Сахарова пришла последней, около 15 часов. С гневом и болью старый русский офицер писал: "Горячая любовь моя к Его Величеству не допускает душе моей мириться с возможностью осуществления гнуснейшего предложения, переданного Вам председателем Думы. Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственная Дума, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей... Рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы немедленно не дало пищи к предъявлению дальнейших, еще гнуснейших, притязаний". Копии телеграмм генерал Алексеев препроводил на имя императора в Псков, добавив от себя: "Умоляю Ваше Величество безотлагательно принять решение, которое Господь Бог внушит Вам. Промедление губительно для России".

Пошли последние часы и минуты последнего царствования. Ознакомившись с мнением военачальников, царь пересилил себя, переступил через принципы и принял решение отказаться от короны. Он горячо молился в своем вагоне перед походным алтарем и просил Бога простить ему этот грех — измену клятве, данной при воцарении. Если все кругом этого просят, если все считают, что он должен принести эту жертву, то он ее принесет. Господь поймет и не оставит! Как растеряны и напуганы приближенные, какие у всех мрачные лица, а некоторые стараются не поднимать глаз. Многие из них лишатся своих должностей,

но он никому уже не сможет помочь. Никто из них не пришел на помощь к нему, никто не встал на защиту трона и династии. Бог им судья!

Царь вышел на платформу. Был легкий мороз, и шел редкий снег. Вернувшемуся генералу Рузскому сообщил о своем согласии отречься. После непродолжительной прогулки вдоль состава вернулся в начале четвертого в вагон и составил две телеграммы. Одну на имя Родзянко, а другую на имя Алексеева. Вторая гласила: "Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно". Служить верно и нелицемерно! Ему они так не служили. Все его бросили и предали. Только его дорогая Аликс и дети останутся с ним. Что теперь будет?

Рузский был приглашен к императору, который вручил ему послания для отправки. Генерал сообщил Николаю II, что из Петрограда выехали для переговоров Гучков и Шульгин. Решено было дожидаться их приезда и никаких телеграмм пока не посылать. Потянулись томительные часы ожидания. Пока еще император не терял присутствия духа, и, хотя приближенные замечали порой признаки охватывавшего его волнения, природная выдержка и воспитание не позволяли этому человеку проявлять слабость. Депутаты ожидали в семь часов вечера, а приехали только около десяти. К этому времени в настроениях обреченного монарха многое изменилось. Все эти часы он обдумывал грядущее и особенно будущее сына Алексея. Ведь он еще совсем мальчик, к тому же болен. Ему нужен постоянный уход и забота любящих людей, и в первую очередь матери, а сможет ли она при нем остаться? Кругом столько лицемерия и вражды, что ни за что нельзя поручиться. Уже третий день он не имеет подробных известий из Царского. Что там? Как они? Дети лежат больные, а бедная Аликс, которая сама в последнее время была нездорова?

Ближе к вечеру рокового дня император имел обстоятельный разговор с лейб-хирургом С. П. Федоровым, уже несколько лет лечившим цесаревича Алексея. Отец просил врача высказаться совершенно честно

и откровенно о том, что ждет в будущем сына. Профессор не стал лукавить, сказав со всей определенностью, что, хотя Алексей Николаевич и может прожить долго, но все же, если верить медицинской науке, он неизлечим, и предсказать будущее в данном случае невозможно. В ответ услышал: "Мне и императрица говорила так же, что у них в семье та болезнь, которую страдает Алексей, считается неизлечимой. Я не могу при таких обстоятельствах оставить одного больного сына и расстаться с ним... Я останусь около моего сына и вместе с императрицей займусь его воспитанием, устранясь от всякой политической жизни".

Наконец прибыли посланцы революционной столицы. Выглядели они довольно непарадно: трясущиеся руки, хмурые, помятые лица, несвежие костюмы, нечищенная обувь. Они были растерянны и подавлены не меньше членов императорской свиты. Эти представители "новой России" находились в неведении относительно намерении государя и считали, что им предстоит тяжелая миссия — уговорить царя отречься в пользу сына Алексея при регентстве брата императора, великого князя Михаила Александровича. По пути к царскому поезду Шульгин сказал: "В Петрограде творится что-то невообразимое. Мы находимся всецело в их руках, и нас наверное арестуют, когда мы вернемся". Хороши же народные избранники! Прошло всего лишь несколько дней, а они уже дрожали от страха перед тем народом, которым взялись управлять и от имени которого приехали говорить об отречении.

В салон— вагоне царского поезда их встретил министр императорского двора граф В. Б. Фредерикс, спросивший А. И. Гучкова, что происходит в столице. Ответ был убийственным для царедворца: "В Петрограде стало спокойнее, граф, но Ваш дом на Почтамтской совершенно разгромлен, а что стало с Вашей семьей -неизвестно". В полном молчании прошло несколько минут, показавшихся часами, и наконец появился Николай. Он был в кавказской казачьей форме и сохранял внешнее спокойствие. Любезно поздоровался с прибывшими и пригласил всех сесть.

Разговор начал А. И. Гучков. Тихим, хрипловатым голосом, смотря все время в одну точку на полу, он рассказал о том, что положение

угрожающее, что к движению примкнули войска и рабочие, беспорядки перекинулись на пригороды. Все новоприбывающие воинские части переходят на сторону восставших. Для спасения родины, для предотвращения хаоса и анархии был образован Временный комитет Государственной Думы, принявший всю полноту власти. Гучков далее сообщил, что образовался Совет рабочей партии, уже требующий социальной республики. Это требование поддерживают низы и солдаты, которым обещают дать землю. Толпа вооружена, и опасность угрожает всем. Единственный путь спасения — передача бремени верховной власти в другие руки. "Если Вы, Ваше Величество, — завершил Гучков, — объявите, что передаете свою власть Вашему сыну и передадите регентство Вашему брату, Михаилу Александровичу, то положение можно будет спасти".

Император выслушал этот довольно продолжительный монолог не перебивая, не задавая вопросов. Какая горькая ирония судьбы, какое жестокое испытание! Он, получивший корону от отца, он, поставленный на свой высокий пост Божественным Промыслом и ответственный все 22 года правления только перед Всевышним, должен теперь отречься перед лицом каких-то депутатов, один из которых, этот самый Гучков, давний враг трона, как хорошо знал государь, много лет распространявший антидинастические клеветы. Пусть будет так. Значит, это угодно Богу, и надо испить эту горькую чашу до дна!

Когда Гучков закончил, Николай II сказал: "Ранее Вашего приезда, после разговора по прямому проводу генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной Думы, я думал в течение утра, и во имя блага, спокойствия и спасения России я был готов на отречение от престола в пользу своего сына, но теперь, еще раз обдумав свое положение, я пришел к заключению, что ввиду его болезненности мне следует отречься одновременно и за себя и за него, так как разлучаться с ним не могу". После этих слов возникла напряженная пауза. Такой исход депутаты не предвидели. Наследником трона мог быть лишь сын монарха. Об этом прямо говорилось в законе. Новая комбинация, когда трон

переходил к брату императора, не отвечала букве закона, но, с другой стороны, когда составляли эти нормы, никто не предусмотрел возможность добровольного отказа самодержца от престола.

Произошел непродолжительный обмен мнениями, и в конце концов Гучков сказал, что они могут принять это предложение. Государь вышел в свой кабинет и быстро вернулся обратно с проектом манифеста об отречении. Текст тут же обсудили, внесли незначительные поправки, переписали, и в 23 часа 40 минут 2 марта Николай Александрович — семнадцатый царь из династии Романовых — его подписал. Теперь уже бывший император попросил лишь поставить на нем другое время — 3 часа 5 минут дня, когда было принято окончательное решение. Далеко за полночь, вернувшись в спальное купе, развенчанный монарх, как всегда уже на протяжении последних 35 лет, занес в свой дневник краткое описание дня и завершил запись словами: "Кругом измена и трусость и обман!"

МАНИФЕСТ ОТРЕЧЕНИЯ НИКОЛАЯ II

"В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь героической нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы, и, в согласии с Государственной Думой, признали мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю

Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том нерушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним повиновением царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Николай".

Отрекшийся император был глубоко потрясен. Однако трагическое событие, перечеркнув судьбу венценосца, не могло перечеркнуть жизнь — этот дар Божий. В первые дни марта Николай, как позднее признавался, находился "как в тумане", но со стороны его поведение было безукоризненным. Сложив с себя корону, теперь лишь "полковник Романов" счел необходимым вернуться в Могилев, чтобы попрощаться с войсками. Там ему стало известно об отказе брата Михаила от престола до решения Учредительного собрания. Сюда же приехала мать, императрица Мария Федоровна, которая несколько дней находилась со своим "бедным Ники". В среду, 8 марта, они расстались, и уже навсегда. Бывший император отбыл в Царское Село, а его горячо любимая "душка Мама" — в Киев, где жила последние месяцы. Все эти дни Николай Александрович постоянно думал о своей семье, о жене и детях, и, хотя его уверяли, что с ними ничего не случилось, на душе было неспокойно.

Еще 22 февраля, когда император покидал Царское и направлялся в Ставку, ничто не предвещало будущих потрясений. Этот последний день был похож на все остальные. С утра — чтение деловых бумаг, прием должностных лиц. Завтракали вместе с братом Михаилом. Затем попрощался с детьми, помолился с Аликс в церкви Знамения Божией Матери, расположенной рядом с дворцом, и поехал на станцию. На

следующий день, в три часа дня, Николай был уже в Могилеве.

Императрица осталась дома, в любимом обителище — Александровском дворце. С этим местом так много в их жизни было связано. Здесь родился Ники, и сюда привел он ее, молодую и счастливую, вскоре после женитьбы. Здесь они провели лучшие часы жизни, здесь появился на свет их первенец — дочь Ольга. Этот дворец, построенный по заказу императрицы Екатерины II архитектором Кваренги для ее любимого внука Александра, был особо дорог последней императрице. Расположенный в глубине старого царскосельского парка, окруженный густыми зарослями так любимой Аликс сирени, он был удален от шумных магистралей и оживленных мест. Тут царили тишина и покой, чем очень дорожили венценосцы.

Разлуку с дорогим Ники, со своим "обожаемым мальчиком", Александра Федоровна всегда переживала тяжело, но последний его отъезд восприняла особенно мучительно. Какое-то гнетущее чувство опасности не оставляло ее. Муж был не совсем здоров, часто кашлял, плохо спал последнее время, жаловался на боли в груди. Императрица постоянно думала о нем,... Он так утомлен, и воистину Бог послал ему страшно тяжелый крест! Уже два с половиной года тянется эта ужасная война, и он за все это время не позволял себе даже краткого отдыха. На него ежедневно наседадут со всех сторон, все от него чего-то просят и даже требуют, а некоторые родственники стали вести себя просто вызывающе. Чем давать советы императору и отнимать у него время, лучше бы исполняли свой долг. Противно узнавать городские новости! В Думе, как всегда, торжествуют клеветники, и если бы Ники послушался ее совета и закрыл эту злобную говорильню до конца войны, как поступил со своим парламентом Вильгельм в Германии, то сейчас было бы значительно спокойней.

Бедному Ники почти не на кого положиться. Как измельчали люди! В глаза все клянутся в верности, а в душе многие трусы и изменники. Вот и сейчас, когда Ники будет в Ставке, там наверняка опять станет воздействовать на него эта ревущая толпа! Они пользуются его добротой,

зная, что, когда меня нет рядом, они могут требовать что угодно! Господи! Наставь, укрепи, помоги! Я верю: милость Господа и моя любовь помогут моему ангелу. "О как я люблю тебя! Все больше и больше, глубоко, как море, с безмерной нежностью. Вся наша горячая, пылкая любовь окружает тебя, мой муженек, мой единственный, мое все, свет моей жизни, сокровище, посланное мне всемогущим Богом! Чувствуй мои руки, обвивающие тебя, мои губы, нежно прижатые к твоим, — вечно вместе, всегда неразлучны".

После отъезда Николая, к вечеру 22-го числа, дочь Ольга и сын Алексей занемогли. У них определили корь. На следующий день заболела Татьяна, затем дошла очередь и до остальных. Температура у детей все время была высокой, их мучал страшный кашель, глаза слезились и болели. В довершение несчастья слегла и ближайшая наперсница царицы Аня Вырубова. Через два дня после отъезда Николая личные апартаменты царской семьи походили на лазарет. Стояла полная тишина, нарушаемая лишь шепотом сиделок. Окна были завешены (свет раздражал глаза), и в полумраке можно было различать лишь несколько женщин в белых халатах. Одна из них, в платье сестры милосердия, — императрица. Начиная с 23 февраля Александра Федоровна спала лишь урывками, не раздеваясь, на кушетке или у Алексея, или в комнатах девочек. Она давала лекарства, делала полоскания, измеряла температуру, кормила. Когда кому-то становилось легче, то утешала разговорами, иногда читала книги. Но ее постоянно отвлекали на какие-то вопросы, которые без нее, императрицы российской, никто не мог решить. Надо было оставлять своих и идти вниз, на первый этаж, и там встречаться с визитерами, читать письма и деловые бумаги. Кроме того, она ежедневно непременно выкраивала время, чтобы хоть ненадолго заглянуть к Знамению, помолиться и поставить свечи.

Ей сразу же сообщили, что днем 23 февраля в Петрограде, на Васильевском острове и на Невском, произошли беспорядки и бедный люд приступом брал булочные, а некоторые, например булочную Филиппова, разнесли вдребезги. Вызванные казаки устроили толпу, и к

вечеру все вроде бы успокоилось. Это известие не произвело сильного впечатления на императрицу. У нее хватало других забот. На следующий день она узнала о новых вспышках беспорядков в городе, но Протопопов и начальник Петроградского военного округа генерал С. С. Хабалов прислали успокоительные рапорты. Однако на следующий день, 25 февраля, все повторилось, но в еще большем масштабе. Посылая вечером ежедневное письмо-отчет мужу, писала: "Стачки и беспорядки в городе более чем вызывающи. Это — хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, — просто для того, чтобы создать возбуждение, и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы дома. Но это все пройдет и успокоится, если только Дума будет хорошо себя вести. У меня было чувство, когда ты уезжал, что дела пойдут плохо... Нужно немедленно водворить порядок, день ото дня становится все хуже... Завтра воскресенье, и будет еще хуже. Не могу понять, почему не вводят карточной системы и почему не милитаризируют все фабрики — тогда не будет беспорядков... Не надо стрельбы, нужно только поддерживать порядок и не пускать их переходить мосты, как они это делают. Этот продовольственный вопрос может свести с ума".

В Царском Селе, всего в двадцати верстах от Петрограда, пока было спокойно. Прибывавшие же из столицы приносили безрадостные вести. С каждым часом положение становилось все более грозным. Протопопов прислал последнее успокоительное известие в конце дня 26-го, и затем — тишина. Все министры куда-то подевались. 28-го противоправительственное движение докатилось и до Царского. В городе произошли митинги, в расквартированных войсках началось брожение. Оно коснулось и подразделений, охранявших царскую резиденцию, а Сводный пехотный полк после митинга решил идти в Петроград и поддерживать новую власть. Александровский дворец с каждым часом все больше и больше начинал походить на остров, окруженный враждебной стихией.

Императрица, преодолевая страхи и опасения, продолжала бесменно выполнять обязанности сестры милосердия в своем маленьком госпитале, который уже 1 марта был отрезан от остального мира. Она ничего толком не знала о муже, получив последнюю телеграмму от него из Лихославля 28 февраля, где говорилось, что Ники будет дома на следующий день утром. Но часы шли, а его все не было. Лишь за полночь 2 марта пришло известие из Пскова. Почему он в Пскове? Что случилось? Сердце разрывалось от волнений, горя и досады, но надо было сохранять спокойствие, чтобы не расстраивать больных. Первого вечером во дворце была слышна стрельба, происходившая невдалеке. Господи, спаси и сохрани!

Мысли были безрадостные... Надо во что бы то ни стало связаться с Ники! Но как выехать из города? Говорят, поезда уже не ходят, а на станциях орудуют бунтовщики. Хорошо бы послать аэроплан, но все люди как-то вдруг исчезли. Слава Богу, нашлись два верных человека, согласившихся отвезти ему письмо. Но успеют ли? Доедут ли? Каждый час доходят все более ужасные слухи, а когда решилась, пересилив себя, позвонить Родзянко и спросить о муже, тот сказал, что ничего не знает. Лжет ведь наверняка! Конечно, они умышленно изолировали бедного Ники, чтобы не допустить его ко мне и принудить подписать какую-нибудь ужасную конституцию. А Ники один, без меня и армии, пойманный как мышь в западню, что он может сделать? Это величайшая низость и подлость — задерживать своего государя. Если даже они заставят Ники сделать всевозможные уступки, то он не будет обязан их соблюдать, так как они добыты силой. Да и родственники ведут себя просто недопустимо трусливо! Все сидят по домам и чего-то ждут. Даже верный Павел совсем спятил, предложил безумный план спасения — издать манифест с обещанием конституции. И это родной брат императора Александра III! "Два течения — Дума и революционеры — две змеи, которые, я надеюсь, отгрызут друг другу головы. Это спасло бы положение. Я чувствую, что Бог что-нибудь сделает".

В ранних сумерках 2 марта от церкви Знамения двинулась небольшая

церковная процессия, во главе которой с высоко поднятым крестом шел настоятель царскосельского Федоровского собора протоиерей А. И. Беляев. С пением тропаря "Яко необозримую стену и источник чудес стяжавше Те рабы Твои, Богородица Пречистая" подошли к Александровскому дворцу, где по желанию императрицы должны были отслужить молебен перед чудотворной иконой Царицы Небесной. Около дворца народу почти не было. Прибывших провели на второй этаж, на детскую половину, где в большой полутемной комнате лежали на кроватях пятеро детей. Икону поставили на стол, зажгли свечи. Началась служба. Земная царица опустилась на колени и горячо, со слезами на глазах, просила помощи и заступничества у Царицы Небесной. Затем приложилась к иконе, которую поочередно подносили к каждой кровати, и дети целовали образ. Осенив императрицу крестным знаменем, отец Александр сказал: "Крепитесь и мужайтесь, Ваше Величество, страшен сон, да милостив Бог. Во всем положитесь на Его святую волю. Верьте, надейтесь и не переставайте молиться".

Эти слова прозвучали уже после решения об отречении. Когда икону выносили из дворца, он уже был оцеплен войсками и все его обитатели оказались арестованными. Тысячелетняя история тронов и корон в России завершилась. Семья поверженного монарха начала свой путь на Голгофу...